

Карлов университет
г. Прага
Философский факультет
Отделение переводоведения

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

Шиенок Кристина

Советская эпоха в дневниках Яна Забраны
Комментированный русский перевод отрывков из:
ЗАБРАНА, Ян. Вся жизнь 1, 2. Прага: Издательство «Торст». 1992.

Sovětská epocha v denících Jana Zábřany
Komentovaný ruský překlad vybraných částí z:
ZÁBRANA, Jan. Celý život 1, 2. Praha: Nakladatelství Torst, 1992.

Soviet epoch in Jan Zabřana's diaries
Commented Russian translation of selected parts from:
ZÁBRANA, Jan. Celý život 1, 2. Praha: Nakladatelství Torst, 1992.

Научный руководитель —
PhDr. Рубаш Станислав, Ph.D.

Консультант —
Ing. Mgr. Молчан Мария

Прага 2015

Автор выражает благодарность научному руководителю PhDr. Рубашу Станиславу, Ph.D. и консультанту Ing. Mgr. Молчан Марии за учебно-методическую помощь и ценные советы, а также PhDr. Оганесяновой Дануше CSc. за помощь в оформлении работы. Отдельные слова благодарности Патрику Оуржеднику, Йиржи Грунтораду и Марии Забрановой за предоставленные пояснения оригинала.

Заявление

Настоящим подтверждаю, что дипломная работа выполнена мною самостоятельно, что надлежащим образом цитированы в ней все использованные источники и литература и что данная работа не была использована (предъявлена) в рамках обучения в ином ВУЗе или для присвоения иной или такой же ученой степени.

Прага 2015

.....

Шиенок Кристина

Аннотация

Дипломная работа состоит из трех глав. Первая глава — это русский перевод отрывков из книги дневников Яна Забраны «*Вся жизнь*». Вторая глава работы представляет собой комментарий к переводу и состоит из трех разделов: переводческого анализа оригинала, описания концепции и стратегии перевода, типологии отдельных переводческих проблем и способов их решения.

Ключевые слова

мемуарная литература, дневник, автокоммуникация, Ян Забрана, внутренняя эмиграция, переводческий анализ, экстралингвистический фактор, интралингвистический фактор, концепция перевода, стратегия перевода, переводческая позиция, аппарат издания, переводческая проблема

Abstrakt

Diplomová práce obsahuje dvě části. První je ruský překlad úryvků z výboru Zábranových deníků *Celý život*. Druhá část práce je odborný komentář k překladu. Skládá se ze tří kapitol, a to translatologické analýzy předlohy, popisu koncepce překladu a překladatelské strategie, typologie jednotlivých překladatelských problémů a způsobů jejich řešení.

Klíčová slova

memoárová literatura, deník, autokomunikace, Jan Zábrana, vnitřní emigrace, translatologická analýza, extralingvistický faktor, intralingvistický faktor, koncepce překladu, překladatelská strategie, překladatelský postup, kritický aparát, překladatelský problém

Abstract

The thesis consists of three parts. The first part is a Russian translation of selected excerpts from Jan Zábřana's diaries *Celý život*. The second part is a commentary on the translation, which includes three chapters: translation analysis of the source text, description of the overall approach to the translation and the translation strategy, a typology of the particular translation problems and ways of solving them.

Key words

memoir literature, diary, autocommunication, Jan Zabrana, inner emigration, translation analysis, extralingual factor, intralingual factor, approach to translation, translation strategy, translation method, critical apparatus, translation problem

Введение	1
Глава 1. Текст перевода	3
Глава 2. Комментарий к переводу.....	43
1. Переводческий анализ оригинала.....	43
1.1. Портрет автора.....	43
1.1.1. Биография.....	43
1.1.2. Основные произведения	45
1.1.3. Связь между позицией автора и его позицией в «социальном пространстве»	49
1.2. „Celý život“ («Вся жизнь»).....	51
1.2.1. История издания.....	51
1.2.2. Жанровая принадлежность	53
1.2.2.1. Понятие мемуарной литературы, ее классификация и особенности	53
1.2.2.2. Особенности дневниковой формы литературы.....	54
1.2.2.3. Характерные черты отдельных разделов с учетом жанра	56
1.3. Анализ исходного текста (т.е. выбранных отрывков для перевода)	58
1.3.1. Выбор отрывков для перевода.....	58
1.3.2. Экстралингвистические факторы.....	58
1.3.3. Интралингвистические факторы.....	62
1.3.3.1 Тематика и содержание.....	62
1.3.3.2. Архитектоника текста.....	64
1.3.3.3. Стилистическая характеристика	64
1.3.3.4. Лексический уровень	67
1.3.3.6. Грамматический уровень.....	70
1.3.3.7. Синтаксический уровень.....	72
2. Концепция перевода	75
2.1. Обзор переводов дневников Яна Забраны	75
2.2. Общая концепция перевода	76
2.3. Интерпретация исходного текста	82
2.4. Переводческие позиции	83
2.5. Вспомогательный текст	90
3. Отдельные переводческие проблемы и способы их решения.....	93
Заключение	100
Список использованной литературы.....	102
Список приложений.....	107

Использованные сокращения

О — текст оригинала

П — текст перевода

др. — другое

пер. — перевод

прим. — примечание

т. е. — то есть

т. к. — так как

т. о. — таким образом

т. п. — тому подобное

Введение

Настоящая дипломная работа представляет собой комментированный русский перевод отрывков из собрания дневников чешского поэта, писателя и переводчика Яна Забраны «*Вся жизнь*», которое было издано посмертно в 1992 году. Для перевода нами были отобраны отрывки, посвященные Чехословакии 1948—1984 гг., в которых описываются отдельные проявления советской эпохи. Под последней мы понимаем период в истории Чехословакии с момента прихода к власти коммунистов в 1948 году вплоть до Бархатной революции 1989 года. Учитывая события, происходящие в последнее время на территории стран СНГ с непосредственным участием Российской Федерации (создание союзных государств, аннексия Абхазии, Южной Осетии, Крыма, война на востоке Украины и др.), а также то, что всё более частыми становятся попытки по возрождению отдельных проявлений советской реальности (пропаганды, цензуры, ограничения прав и свобод и др.), мы посчитали, что перевод дневников человека, который пострадал от нее в период становления личности, совершенно не будучи подготовленным (Яну Забране было всего 18 лет, когда по политическим мотивам арестовали его мать), и всю жизнь потом прожил, испытывая нравственную боль, может косвенно помочь в противодействии тенденциям централизации и советизации, наблюдающимся на постсоветском пространстве.

Дипломная работа разделена на две главы — текст перевода и комментарий к переводу, который состоит из трех разделов. Первая глава — это выполненный нами русский перевод отрывков из книги дневников Яна Забраны «*Вся жизнь*». Вторая глава работы представляет собой комментарий к переводу и включает в себя три раздела: переводческий анализ оригинала, описание концепции и стратегии перевода, типологию отдельных переводческих проблем. Первый раздел является наиболее объемным и включает в себя портрет Яна Забраны, характеристику собрания «*Вся жизнь*» с определением его жанровой принадлежности (в связи с чем рассматривается понятие мемуарной литературы, приводится ее классификация и резюмируются особенности дневника как жанра), а также непосредственно анализ отрывков, отобранных нами для перевода. При переводческом анализе исходного текста мы руководствовались моделью, созданной представительницей школы функционального перевода Кристианой

Норд, а также классификацией функций языка, разработанной членом Пражского лингвистического кружка Р. О. Якобсоном.

Второй раздел посвящен описанию работы над концепцией перевода и включает в себя обзор переводов дневников Яна Забраны на другие языки, общую концепцию перевода, описание интерпретации исходного текста, конкретных переводческих позиций и обоснование использования вспомогательного текста. Общая концепция перевода учитывает сложившуюся традицию перевода дневников зарубежных писателей и поэтов на русский язык. Для описания примененных нами переводческих позиций мы воспользовались классификацией российской исследовательницы Е. Гарусовой.

В третьем разделе представлен ряд переводческих проблем, с которыми мы столкнулись. Отдельное внимание мы уделили, в частности, передаче интертекстуальности, исторических лозунгов, реалий, а также проблеме возникновения новых коннотаций по причине принадлежности оригинала и перевода к различным эпохам. Для каждой переводческой проблемы указан выбранный нами способ ее решения и приведена аргументация.

Выводы, сделанные нами в ходе работы, объединены в заключении, которое суммирует результаты осмысления выбранной нами темы.

Глава 1. Текст перевода

Известный чешский поэт, писатель и переводчик Ян Забрана (1931—1984) всю свою сознательную жизнь вел дневник, который был издан после его смерти под названием «Вся жизнь». Предисловие к изданию написал сам Вацлав Гавел. Перед вами перевод отрывков, повествующих о Чехословакии 1948—1984 гг. глазами человека, для которого неприятие и противостояние советской идеологии было единственно приемлемой позицией.

(К.Ш., переводчик)

ЯН ЗАБРАНА

Вся жизнь (избранное)

Дневники 1948—1949 гг.

16 декабря 1948 г.

- В сегодняшней газете вышла статья о том, что люди, которых коснулась февральская чистка, будут лишены возможности получать на новой работе бóльшую зарплату и занимать руководящие должности. Я не знаю, насколько сильно это коснется папы. Вырезал и отправил ему.

Недовольство среди людей растет. Сейчас перед рождеством снизили зарплаты согласно новым нормам. От этого пострадали фабричные рабочие. 65 000 сотрудников будет уволено. Подарок к рождеству. А в январе, поговаривают, 10 000 студентов будет отчислено из университетов. (Немцы взяли и просто закрыли университеты, нынешний же режим действует вот таким образом, но, по сути, это то же самое). Вскоре почти не останется семей, которые бы не пострадали. Я беседовал с людьми, приехавшими из военных гарнизонов. Говорят, там 75 % абсолютно против режима. Среди шахтеров — целых 90 %. Что касается крестьян, то большинство из них уже раскусило суть происходящего. Народ постепенно сплачивается, как это всегда бывает в тяжелые времена. Циркулируют новости о том, что весной должны произойти коренные перемены международного масштаба. На Западе безудержно кипит мысль о европейском союзе. Старый добрый бульдог Черчилль вцепился мертвой хваткой. Постоянно укрепляют Североатлантический оборонительный пакт. В Берлине французы взорвали на своей территории советский передатчик. И непримиримость растет. Только вот здесь [в

Чехословакии] становится тошно от некоторых людей, которые лизоблюдничают и корчат из себя рабов во время фарса, называемого проверками.

Записи, сделанные в 1966 году

- Никто никогда не поймет мою горечь осени и зимы 65-го. Моментов, когда меня те, кто в пятидесятые годы сидел на кафедрах марксизма-ленинизма и учился на философских факультетах (откуда меня вышвырнули), когда те самые люди меня, в пятидесятые годы объездившего Раковник, Ославаны, Яхимов, Пардубице, Пршибрам и ставшего бывалым на производстве в «Татре»¹, радотинском «Смальте»², когда меня *вот эти самые люди* стали мерить одной меркой с теми, у кого в пятидесятые годы была власть. И это тот, кто состоял в партийной организации факультета; тот, кто в «Моем дне» отвечал на их вопросы, потому что для него было важно, чтобы он был господином Автором, потому что наиважнейшим для него был Национальный театр; тот, кто преподавал марксизм-ленинизм³; та, которая досконально изучала эстетику и историю искусств⁴, — все они вдруг стали золотыми ребятами, а я им пришелся не по вкусу. Стая, которая хотела — глупо — всего лишь заменить другую стаю. «Бесы» мне всегда казались абстрактными в своей *идее*... А теперь я понял. Только вот никогда не знаешь, какое испытание тебя ждет. А сейчас всё сделают снова на чешский манер: для кого-то найдется теплое местечко (Союз для него его выхлопочет), кто-то пойдет печататься в другие журналы — чтобы ни у кого не было угрызений совести. Манекены с одной и другой стороны — они даже ненавидеть не умеют. Что такое нелояльность в границах их вселенной? Хулиганство вечером на Первомай или на майский студенческий праздник. Уважаемые, в этой стране [в Чехословакии] менее чем 15 лет тому назад писателей казнили, здесь казнили женщин. Вам не обязательно это помнить, но, учитывая данный факт, я отказываюсь принимать любую дешевую игру. Самое важное, чего вы не

¹ «Татра» (чеш. *Tatra*) — чехословацкая компания-производитель транспортных средств.

² «Смальт» (чеш. *Smalt*) — чехословацкий кооператив по эмалировке.

³ Предположительно, о чехословацком писателе и сценаристе Зденеке Маглере (1928—...) и одной из его радиопередач.

⁴ Предположительно, о чехословацком историке искусств и археологе Зорославе Дробной (1907—1988).

знаете: вы спекулируете тем *статусом-кво*, который позволяет вам чувствовать себя в своей тарелке в отличие от тех, кого вы оклеветали. Это нечестная игра — притворяться свободным, когда я всего лишь собака на цепи, лающая на другую собаку на цепи. Вступить с ними в дискуссию (например, только лишь бранить их — это, по сути, ничего не меняет) — значит признать их. Единственный выход для свободного духом — не отвечать на вопросы, на их вопросы, единственная возможность существования — не существовать *против власти*, но рядом с ней, параллельно с ней. Вы этого не поняли. Очернять их — значит воспринимать их серьезно, де-факто признать их. Ибо у вас нет иной возможности, кроме как очернять их с разрешения *их* цензуры. Очернять их, если они *позволят*. Как же это сентиментально-слащаво! Только вот вы забыли о мертвых, ваших мертвых, которые на их совести. Для меня это комедия, в которой я отказываюсь играть. (Горечь осени и зимы 65-го.)

Отрывки 1—45

(Синие тетради)

01.12.1970—05.11.1976

1 (декабрь 1970 — апрель 1971)

- Правящие сейчас нами — это те самые убийцы, которые в пятидесятые годы вешали в панкрацкой⁵ тюрьме женщин (накануне молодые комсомольцы в нескольких пражских кварталах организовали беседы «о любви»).

Это те самые люди, которые оставили женщину одну рожать в панкрацкой камере с цементным полом; которые заставляли людей стоять по несколько ночей в камере-одиночке, где не было на что опереться, в камере с наклонным полом, метр на метр, где можно было разве что стоять; которые на рассвете без суда перестреляли на бенешовской трассе людей и закопали их⁶; которые,

⁵ Панкрац — пражская тюрьма, в которой в период с 1948 по 1990 год было в общей сложности казнено 348 человек, среди которых были и жертвы коммунистических чисток.

⁶ Вероятно, речь идет о расправе чехов над немецкоязычным населением из г. Постолопрти (Северная Чехия), произошедшей в июне 1945 года; позднее в 1947 году было эксгумировано 763 тела, среди которых были и детские.

не выходя из своего «татраплана», на ходу высыпали пепел на бенешовскую трассу⁷. О да, это старые знакомые убийцы.

Для себя они придумали и новое социалистическое право: решение о том, виновен ты или нет, принимает сам убийца.

Когда они поняли, что замятые цензурой преступления и зверства вскроются, то вызвали для своей защиты танки. Ну что вы могли ожидать от этих людей? Ошибкой было ожидать от них чего-то иного. Ведь это те самые старые убийцы, сыновья убийц, их рьяные наследники. Я признаюсь, социализм с человеческим лицом мне был всегда смешон. Равно как и все пустые фразы и ничего не говорящие понятия. Но у них он вызывал усмешку, потому что они выступают и всегда выступали за социализм с нечеловеческим лицом. Социализм с лицом массовых убийц-палачей и их слуг, чей лозунг — «московские прислужники всех стран, объединяйтесь!»

(Прага, с 28 октября 1972 по 17 марта 1973)

- *Они* извлекли для себя урок. Безусловно, в свою, ни в коем разе не в нашу пользу. Повесив в 1950 году женщин, они совершили нечто такое, что *никогда* не забудется, что останется на их совести навсегда, за что в 68-м году на них мог накинуться каждый — нечто, значение чего невозможно было так просто преуменьшить и одним махом руки объявить несущественной, забытой, погашенной давностью ошибкой. Сейчас людей ликвидируют в административном порядке, потихоньку, загоняя их в хронические материальные трудности, постепенно выгоняя их при помощи бюрократической машины с рабочих мест, которые эти ликвидируемые нашли. Через пару лет такой жизни ты становишься задерганным, целиком уничтоженным. Но при этом с тобой вроде как ничего и не случилось. Если даже через двадцать лет ты попробуешь их обвинить, то это будет смехотворно, поскольку твоим единственным аргументом будет то, что тебя незаконно вышвырнули с работы.

⁷ Скорее всего, речь идет о кремированных останках 11 чехов и словаков, которые были казнены в декабре 1952 года в результате сфабрикованного процесса об антигосударственном заговоре вокруг Рудольфа Сланского (1901—1952).

- Самой большой ошибкой была и есть мысль, что *они* не желают литературе и писателям ничего плохого. Что они хотят литературу, хотят, чтобы писатели писали. 20 лет так думали все добродушные дураки и терпели крах, разбивая голову о непостижимую стену. Кто знает историю русской литературы, кто понял ее определяющие моменты, тот никогда не попадет на этот крючок. Они *не хотят* никакой литературы, *не хотят* никаких писателей. Они хотят уничтожить и то, и другое, постепенно устранить.

Они хотят (пока еще) то, что принимает вид литературы, но не имеет с литературой ничего общего. Они хотят видимость. Учреждение. Не писателей, а Союз писателей.

13 (с 6 января 1974 по 17 февраля 1974)

- Когда народ пишет резолюции о повешении Сланского, высылке Солженицына и тому подобное, то это правильный народ. Радио и пропаганда при перечислении резолюций ссылаются на такой народ, хвалят.

Но когда народ пишет резолюции в поддержку Дубчека*, о том, чтобы почтить память Яна Палаха* и т. д., то в устах пропаганды это сразу же *неправильный*, плохой, развращенный народ, собственно говоря, уже даже не народ, а «горстка провокаторов, развращенных, запутавшихся» и т. п. Решение о том, какой «народ», когда и в каких обстоятельствах является правильным и образцовым, а какой заслуживает осуждения и проклятия, принимает исполняющий в данный момент обязанности первого секретаря, когда — Новотный*, когда — Гусак*.

- То, что нас всех упорно стараются превратить из людей в скот, incapable мыслить, сравнивать, оценивать и рассуждать; скот, который никогда не осмелится спросить, почему то или иное должно быть так, а не иначе, который молча и без протеста примирится с тем, что о белом он должен твердить, что оно черное, а о черном, что оно белое, — это основа моего спора с ними, это то, на что я никогда не соглашусь, с чем никогда не смирюсь. И в этом я еще более бескомпромиссен и враждебен по отношению к ним, чем 25 лет тому назад. Как ни странно: ничто не остыло, ничто не переболело, никакого смирения. Ненависть и непримиримость только усилились. Разве можно остыть или

просто смириться с теми, кто методично делает из людей немыслимый скот или до глубины души подлых и гнилых двудушников, для которых лицемерие — пожизненная профессия?

21 (с 10 октября 1974 до 10 ноября 1974)

- Летом 68-го в пражских букинистических магазинах появилось множество неразрезанных, совершенно нетронутых (судя по всему, хорошо сохраненных) книг, которые были изданы практически сразу после войны, но большинство — еще во времена Первой республики⁸. Пероутка*, сочинения Троцкого, мемуары Черчилля*, Масарик*, легионерская литература, философские книги из издательства «Ян Лаихтер»*... Сколько раз я задумывался над тем, где эти книги были целых двадцать лет... Кто их прятал? Во времена гейдрихиады⁹ в 50-е годы, когда обыски квартир были в порядке вещей... Остатки тиража? Возможно. Но этих книг множество. Люди их раскупили до последней за несколько дней еще до того, как приехали танки.

23 (с 5 января 1975 по 15 февраля 1975)

- Когда я вижу по телевизору, о чем во время интервью говорят эти разные «сотрудники сельского хозяйства, промышленности» и т. п., то всегда вспоминаю идиотский плакат, встречающийся на дверях некоторых магазинов, — картинка с собакой и надписью «сюда мне нельзя!» Все знают, что это глупость, что собака не разговаривает и ничего такого сказать не может, но, несмотря на это, такой плакат всё же печатают. Так и с телевидением. Все знают, что ничего из того, что говорит человек во время интервью, он не думает, что то, что он говорит, он говорит лишь потому, что знает, что от него ожидается, что он будет это говорить — и он будет это говорить, поскольку знает, что свобода слова отсутствует и что он не смеет кого-нибудь разозлить, не смеет кому-нибудь разонравиться, иначе его

⁸ Первая Чехословацкая республика — Чехословакия с 1918 по 1938 год.

⁹ Гейдрихиада — собирательное название репрессией, проводимых нацистскими оккупантами на территории протектората Чехия и Моравия после назначения в 1941 году на пост исполняющего обязанности протектора Рейнхарда Гейдриха (1904—1942).

вышвырнут с работы или будут еще как-то цепляться — и поэтому он говорит, а они, несмотря на то, что знают, что он так не думает, берут у него интервью.

25 (с 11 марта 1975 до 25 марта 1975)

- Трагедия чехов в том, что в кризисные моменты мы всегда стараемся демонстративно доказать свою правоту, громко и, по возможности, торжественно объявить: «Моральная победа за нами!» В этом есть хилиазм: словно «признание» такой победы более ценно, чем реальная победа. Это национальный комплекс, который своими корнями уходит еще в гуситские¹⁰ времена. Особо ярко он проявился, например, в 1848 году. Как будто твоя победа заключается уже в самой благой вести о том, что противники, с которыми ты имеешь дело, являются непорядочными свиньями и сей факт неопровержим. Это менталитет батрака, который время от времени в пивной громко выкрикивает, что он думает о своем хозяине, но на большее он не способен. Если бы в 1968 году они не действовали снова — к сожалению — тем же образом, то у политбюро была бы работа намного сложнее. Но, опять же, всё делалось на раз, два — дружно!, с бравурным подбадриванием, с «объяснением во время операции», и всё закончилось так, как оно должно было закончиться. Это атрофия способности действовать в «данных условиях»? Но в таком случае это глупость, инфериорность.

27 (с 25 апреля 1975 по 17 мая 1975)

- Жизнь потеряла какой бы то ни было смысл, какой бы то ни было цвет, радость, перспективу. Переполненные автобусы, очереди в магазинах, пробки на дорогах, раскопанные тротуары, коллекторы выхлопных газов, магазины, в которых всегда есть именно то, что тебе не нужно, и никогда не бывает того, что ты хочешь купить (допустим, ты хочешь купить сигареты конкретной марки, виданное ли это дело, чтобы тебе приходилось их раздобывать, покупать из-под полы); врачи выписывают рецепты на лекарства, которых нет в аптеках; служба государственной безопасности поднимает людей среди ночи

¹⁰ Гуситы — последователи чешского реформаторского религиозного движения, названного по имени Яна Гуса (1369—1415).

и проводит обыски квартир, прослушивает телефоны и следит, кто с кем общается, у кого и с кем встречается, всё новые и новые слои общества снимают с дистанции — сейчас опять вышвыривают десятки учителей, газеты вот уже несколько недель перепечатаывают статьи о 30-й годовщине с момента «освобождения» (т. е. перехода от немецкого рабства к советскому), статьи о мае 1945, в которых нет ни слова о том, что существовал некий Альберт Пражак*, некие власовцы¹¹, некий генерал Паттон* и приказ этому генералу, чтобы его танки остались стоять на линии Пльзень — Домажлице. В газетах что ни слово, то ложь. Уже неделю прислужники советских оккупантов раздают друг другу медали и награды, приветствуют одних «гостей» за другими, некоторые околачиваются вокруг русских в Праге, другие летают в Москву награждать русских генералов, ежедневно с трибун брызгают слюной на людей, радио- и телевизионные станции парцеллируют мочу на фразы, любое выступление делают невозможным, цензура, превращенная в абсолютную монархию всего, идолопоклонство и возведение убийц в лик святых не имеют предела (для Готвальда* открываются новые памятники); в рамках официальной аудиенции принимают Ясира Арафата и договариваются с ним о том, что у душегубов спортсменов с мюнхенской олимпиады¹² будет в Праге своя контора...

28 (с 17 мая 1975 по 10 июня 1975)

- Я терпеть не могу, когда кто-то в моем присутствии говорит о «литературе факта». Я терпеть не могу этот термин и когда кто-то делает вид, что это нечто стоящее внимания, что это является *новшеством* нашей эпохи. Притом что в мире становится всё больше *литературы лжи*, *литературы цензуры* вместо литературы правды. И это единственное новшество нашей эпохи. Однако каждый к нему привыкает, словно к само собой разумеющемуся, перестает воспринимать как нечто совершенно абсурдное... Оно просто воспринимается

¹¹ Власовцы — солдаты Русской освободительной армии.

¹² Имеется в виду теракт, совершённый во время Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 году членами террористической палестинской организации «Чёрный сентябрь», жертвами которого стали 11 членов израильской олимпийской сборной, а также один западногерманский полицейский.

как данность. Это оскверненное, гляйхшалтунгизированное ¹³, пропагандистское мышление проникает в людей. Самый яркий тому пример — мои друзья, которые на 10—12 лет старше меня. Всю жизнь они были более или менее свободны в своих мыслях, но с возрастом они теряют искру и жизненную энергию и один за другим становятся конформистами... «Мы уже ничего не изменим... Одним словом, так сложилось... Пусть плоды пожинают другие... Главное, чтобы меня не трогали и не вовлекали в конфликты, в которых может вскрыться, насколько я весь отрухлявел и продолжаю с каждым днем становиться всё более дряблым...» — вот как они начинают мыслить. В итоге, они благодарны своему шефу за то, что он их не сдал, хотя у него на них что-то было, и ведут себя чуть ли не по-конформистски по отношению к нему (отсюда возникают те самые дружеские и социальные связи после пятидесяти...). ...За то, что он меня не сдал, в государстве, где доносы — обычное дело и жуткая, по-прежнему угрожающая реальность... Существенные вещи отодвигаются на задний план как неприятные уже на подсознательном уровне, и человек, в лучшем случае пассивно, сам становится хранителем или распространителем псевдореальности, которой харкают с трибун, из газет, радио, телевидения... «Раз у меня наконец-то есть ящик, то я в него по вечерам пялюсь...» И не важно, что показывают — сериал о семье Гамров ¹⁴, советский фильм или приветствия (каждодневные и непрекращающиеся) каких-то государственных деятелей, прощания с какими-то государственными деятелями... Пустословят о литературе факта, это модно... В то время как, и чем дальше, тем больше, в моде, в первую очередь, цензура, прослушивание телефонов, слежка за людьми, шпики на каждом шагу... Пустословят, но не об этом, а о литературе факта и подобных глупостях...

- В условиях «социализма» писатель, переводчик может поставить крест на своей карьере, если он повздорит или хотя бы разойдется во мнении с редактором. У государства монополия на печать — больше идти некуда, где бы печатали. Мы много раз говорили на эту тему со Шкворецким* еще где-то 15 лет тому назад, он очень хорошо это знал. Сослаться на то, что тот или иной

¹³ От *Gleichschaltung* (нем.) — нацистская политическая концепция подчинения всех сфер жизни Германии интересам национал-социалистического режима.

¹⁴ «Самый младший из рода Гамров» (чеш. *Nejmłodší z rodu Hamrů*) — пропагандистский черно-белый сериал, снятый в 1975 году чешским режиссером Эвженом Соколовским.

редактор (в большинстве случаев это женщины) некомпетентная, озлобленная, корыстная, капризная, злобредная или попросту глупая особа? Необразованная, с плохим вкусом или готовая прислушиваться к тому, что ей тайно (так что никаких концов не найдешь и ничего не докажешь) нашептывают лукавые, преследующие свои корыстные цели советчики, дружки, компаньоны и взяточдатели? Да ведь на это место ее назначила ПАРТИЯ, она занимает его с ведома ПАРТИИ. Никакого пересмотра в порядке надзора, любые возражения безрезультатны и, если ты не хочешь себя навсегда уничтожить, то и недопустимы. А время идет, короткая человеческая жизнь проходит... Собаки на сене, сами не едят и другим не дают, всё сидят, сидят, сидят...

- Вот способ, как они это делают, вот как им нравится: издается субсидируемый Министерством культуры ежемесячник «Советская литература» — с обложкой из мелованной бумаги, мелованными приложениями внутри, дорогой, респектабельный журнал. Просто издается. Никто никому ничего не объясняет и не отвечает на уместный вопрос *почему?* и *как же так?*. В нем печатают тексты, которые могут заинтересовать скорее узбекских пастухов, но никак не читателя из Центральной Европы. Но поскольку в газетах, во всех журналах, во всём 200 % цензуры, никто не может, не смеет задавать вопросы, выражать удивление, почему журнал такой толстый, никто не может против этого возразить. В журнале содержатся репродукции картин и рисунков, которые пришлось бы по вкусу австро-венгерским крупным производителям колбас 1875 года, и тексты, цензурированные в Москве и в Праге и отобранные по принципу: чем дерьмовее, тем громче аплодисменты. Переведенное, набранное, напечатанное, готовое к отправке, внешне оно всё же как-то напоминает литературу. Журнал лежит в вокзальных киосках, читальных залах, залах ожидания, библиотеках. Его издают, исходя из того соображения, что большинство людей всегда всё равно читает прежде всего, то, что им попадает под руку, что 70 % читателей (которых опять же уже семь лет одурачивают при помощи телевидения) всё равно не отличит посредственное от плохого, плохое от просто банального или глупого, что каждый раз, когда нечто такое попадает им под руку, лишь немногие способны спустя семь лет снова припомнить исходное положение дел

(оккупацию), в результате которого в Чехии нечто такое издается. И так есть и будет, пока люди с этим не примирятся, не привыкнут, не начнут считать нормой. Одним словом, это дорогое, ничтожное, субсидированное, интервенционистское дерьмо, которое оккупированные чехи из собственных же денег должны оплачивать для своего постепенного одурачивания. Это тот самый оккупационный интернационализм. Как говорил Крафт во время нашего последнего разговора, за два месяца до того, как он покончил с жизнью: «Если не идет сражение и не стреляют, когда надо стрелять, то, одним словом, люди едят говно. И нет спасения, пока это всё не выгниет до корня». Без полемики, без объяснений, без толкований, просто вот он — журнал «Советская литература. На чешском и словацком языках».

33 (с 21 октября 1975 до 16 ноября 1975)

- Все делали вид, словно положение дел изменилось к худшему лишь с того момента, когда оно их коснулось, когда они провозгласили его неморальным и невыносимым и объявили ему войну. А то, что у кого-то — и кого-то сравнительно молодого — было за плечами десять лет езды по каталажкам с визитами к совершенно невиновным отцу и матери в то время, когда они работали редакторами на радио, ходили на партийные собрания, принимали решения насчет будущего людей и вообще всего — и что этот другой не мог реагировать на их внезапное «прозрение» и провозглашение ситуации прогнившей с определенного момента никак иначе, кроме как горькой усмешкой, а их самих считать кем-то иными, нежели поздно пробудившимися лунатиками, — это они как-то до сих пор не поняли. То, что «ранее потерпевшие» не оказали им ожидаемую поддержку в их *дранге*¹⁵ на режим, дранге с определенного момента, что не считали их своими людьми и своими естественными союзниками, наполняло их возмущением... Ребята Гендриха*, которые с определенного момента выступили против Гендрихов. Те, кого они ранее помогали истреблять, по их логике должны были этому бунту, этому приходу к шапочному разбору заплодировать... Не удивительно, что они были разочарованы, что они были возмущены.

¹⁵ От *Drang nach Osten* (нем.) — букв. «натиск на восток».

- Годами «покрывательства» стали 70-е, после запрета публикации $\frac{4}{5}$ чешских писателей и $\frac{2}{5}$ (+/-) переводчиков. Сколько раз я задумывался над тем, почему, собственно, такая «практика» (за последние годы вышли сотни и сотни переводов, под которыми подписались не делавшие их люди) не была обкатана еще в 50-е, когда многие так же не могли печататься. Причин было несколько, ситуация была иной: 1) в то время печататься не смели, прежде всего, подлинные авторы, «покрывать» которых намного сложнее, а часто и невозможно; 2) те, кто поддерживал режим и мог тогда печататься, относились к своей роли серьезно, особо охотных «покрывать» среди них не нашлось бы, да и многие «запрещенные» не стали бы их об этом просить; обе группы ненавидели друг друга, были настроены друг против друга, по крайней мере, в самые лютые годы, а позже, когда террор в отношении литературы немного ослаб и с каждым годом могло печататься всё больше и больше людей (но далеко не все) — в этом уже не было такой необходимости. Разумеется, имели место отдельные случаи покрывательства, которые были связаны с различными перипетиями «литературного» развития, но о них, кроме горстки посвященных, до сих пор никто не знает... Если говорить о переводчиках-невидимках из 50-х, мотивация у тех в большинстве случаев была финансовая (члены партии, которые «были на хорошем счету», охотились за переводами и получали их на конвейере, а менее удобные переводчики, которым перепадало по одному переводу в год либо доставались постоянно невыгодные заказы, — первым помогали).

Избранное из дневников

5 ноября 1976

июль 1984

46 (с 5 ноября 1976 по 23 ноября 1976)

- Моя оценка ситуации (со всеми корректировками, альтернативами и учетом того, что приблизительно оценить нельзя, со всем, чему меня за последние двадцать пять лет научили корректировки неправильных оценок) — катастрофическая, безвыходная и ужасная, в то же время *беспрецедентная*, потому как то, что нас всех ждет, находится за пределами человеческого опыта

и понимания. Беспрецедентная ситуация сложилась 8 августа 1945 года, в день взрыва первой атомной бомбы, и с тех пор продолжается, точнее, постоянно ухудшается. Исключение пятой, четвертой и третьей силы, редукция до двух гигантских суперсистем будет иметь единственный результат — армагеддон, последняя битва — кто кого — битва за мировое господство. Никогда раньше количество соперников и претендентов не было ограничено до несчастных двух; никогда раньше ни для кого никакая победа не могла тотчас означать победу абсолютную, власть над планетой. Сейчас здесь такая ситуация настала. Ядерный пат, способность друг друга истребить и уничтожить, и даже многократно «повторно уничтожить» (to overkill). То, что с 1945 года ни одна из двух сторон не может без риска развязать более масштабную войну или принудить вторую сторону к чему-то путем демонстрации своей превосходящей силы (Америка свой шанс бесповоротно упустила в 1945—1950 годах, еще до того, как Ландау дал Сталину атомную бомбу; наипрозорливейшую речь Черчилля в Фултоне в 1946 никто не понял — слова старца остались гласом вопиющего в пустыне), ведет к постоянному накаливанию ситуации, давление внутри скороварки с каждым днем увеличивается. Впервые в истории мерением силой и войной нельзя ничего решить — политики не способны решать беспрецедентные ситуации: они просто не знают как. Единственное, что они в настоящий момент знают (на Западе из-за неспособности доводить дело до логического конца и посмотреть правде = ужасу в глаза; в СССР потому, что улучшают вооружение) — это то, что войну надо *отдалять*. Ничего лучше они на сегодняшний день не придумали, да в будущем не придумают. Однако это с каждым днем всё больше осложняет герметическую ситуацию. В состоянии ядерного пата они не способны ничего решать — растущую проблему перенаселения, окончательное опустошение источников, нехватку нефти и зерна (и это только начало), накатывающую лавиной общественную энтропию (аморальность, безразличие, цинизм как принцип всего; *Après nous la déluge*¹⁶ — лозунг не истории, а XX века), загрязнение морей, воздуха, нехватку питьевой воды и продуктов. Всё это непременно приведет к войне. Если у войны будет победитель, то им будет тоталитарный режим, который будет диктовать всё: сколько детей можно иметь, сколько воды можно пить...

¹⁶ *Après nous la déluge* (фр.) — букв. «после нас хоть потоп».

Единственная альтернатива — задохнуться в собственном говне и моче, следовательно, альтернативы нет. Моё предположение, что решающая битва за Землю — а участие в ней будет обязательным, пусть даже с риском уничтожения планеты — должна неизбежно случиться — если уже не поздно — где-то в 1985, не позднее 1990 года. Какие-то непредсказуемые события могут произойти, если одна из двух сторон попробует досрочно изменить соотношение сил в свою пользу при помощи какой-нибудь уловки. Этого нельзя исключать. Но я сомневаюсь, что, когда на кон поставлено всё, стороны не уследят друг за другом и одна из них молниеносно «продует» из-за какой-то ошибки. Скорее, они смогут уследить и сберечь себя для *тотальной конфронтации*. В любом случае перспектив никаких. Я никогда не занимался политическими предсказаниями и пророчествами, но в течение последних лет смотрю на вещи таким образом. Ясно и неотвратимо. Стало быть, Оруэлл. Немного по-другому, с изменениями в деталях и несущественных подробностях, но Оруэлл. (23 ноября 1976, 3 часа 45 минут ночи.)

48 (с 31 января 1977 по 8 марта 1977)

- Кажется, большая шумиха на радио, в газетах и на телевидении вокруг «Хартии-77»¹⁷ утихает. Внезапно они крайне рассердились, что кто-то подал голос, что кто-то посмел подать голос. Что они думали? Они всё время откладывали принятие решения по поводу людей, которые после апреля 69-го оказались в опале, перестали существовать. Между тем прошло восемь лет — так долго не длилось даже кровавое иродоправление сталинских мерзавцев и ублюдков в 50-е. Тогда, в конце 53-го и в 54-м, начинало казаться, что ситуация улучшится; на тот момент с февраля 48-го прошло «всего» пять—шесть лет... Но люди Гусака* восемь лет не решали ничего, оставляя всё как есть. Они не сделали ничего ни в 74-м, ни в 75-м, ни в 76-м. Переставших существовать просто списали. Им не дали ни одного шанса, даже иллюзии шанса. Никак не намекнули, что, например, позднее, вообще какой-то *comeback* будет возможен. Они вели себя с этими списанными как могильщики, цинично забрасывая землей могилу, полную живых людей. А сейчас они удивляются,

¹⁷ «Хартия-77» — программный документ, ставший основанием для формирования группы политических диссидентов в Чехословакии, к концу 1977 года его подписали 800 человек.

устами своих батраков и прислужников сердятся, что осужденные дали о себе знать. Что, черт возьми, эти партийные господа ожидали? Что эти люди позволят похоронить себя заживо в могиле и будут молчать? Это так они думали в своей надменности заместников оккупационного режима? Что можно сказать живому человеку: «Ты для нас не существуешь, ты больше никогда ничего не сможешь, забейся в какую-нибудь нору и, по возможности, как можно скорее там сдохни!»? Они считали себя вправе такое сказать? Люди здесь [в Чехословакии] пока еще не настолько советизированы. За всю «Хартию» заместники режима должны благодарить лишь себя. За то, что они думали, что смогут бесконечно делать вид, что живые по их приказу стали мертвыми. Только вот живые дали о себе знать. Осужденным, у которых и так нет шансов, нечего терять. И потому они подали голос. И властители, кабинетным путем цинично октроирующие жизнь и смерть, возмутились из-за такой невиданной «дерзости». Шкловский однажды написал, что советская власть учит разбираться в оттенках говна. Он был прав, он понимал, о чем говорил. Но жизнь в этой совершенно провонявшей, коррумпированной навозной куче, единственной идеологией которой является раболепный конформизм по отношению к советскому посольству, для любого, кто еще хотя бы немного остался человеком, просто невыносима. У них в голове нет ничего, кроме как услужливо удовлетворять требования тех, по чьей воле они находятся у власти. По радио без конца говорят только и только о том, как радостно проходит строительство газопровода «Оренбург» — каторжная принудительная работа в чужой стране, где им чехи, поляки, венгры и немцы прокладывают газопровод, чтобы они могли за валюту продавать газ Западной Европе; сегодня по новостям передавали, что советский представитель вручил награду коллективам из пришибрамских урановых шахт.

49 (с 8 марта 1977 по 14 марта 1977)

- Издательство «Одеон» снова попало впросак с книгами, издание которых было приостановлено. Помимо нового перевода Скоумала «Одиссеи» Джойса, который был «изготовлен» еще до рождества и развоз которого по книжным магазинам по-прежнему откладывается, издательство прокололось с другими тремя книгами. С романом «У дороги» умершего еще в 1912 (!) году датского

писателя Германа Банга, о котором уже некогда писал Шальда*. Франта Фрёлых, который переводил книгу с датского, написал в предисловии фразу: «Во время первой из своих многочисленных поездок Банг, которого выжили из Копенгагена, после того, как всем стало известно о его гомосексуальности, провел практически год в Праге (1886—1887)». Эта фраза, т. е. простое упоминание-констатация гомосексуальности, так возмутила чиновника Й. из Книжного департамента Министерства культуры, что тот приказал книгу (несчастных 4 000 экземпляров) снять с продаж до уведомления. Почему? Этой фразе о гомосексуальности, мол, там не место, ее вообще не должно там быть... Зачем об этом писать... Вторая, финансово более ощутимая неприятность произошла с большой книгой репродукций картин и рисунков Франтишека Тихого*, которую типографии печатали пять лет. Первый раз запрет обосновали тем, что во вступительной статье в одном месте фигурирует имя Врати Эффенбергера* (которое недавно снова возненавидели из-за того, что Эффенбергер подписал «Хартию-77», до этого о нем целых семь лет ни разу не писали, на него даже как-то особо не нападали, хотя работать под своим именем он не мог). После этого первого обвинения в том, что редакция «пропустила запрещенное имя», сейчас пришло новое обоснование, что, мол, «вся вступительная статья — отрицание Февраля». Аргумент, с которым не поспоришь. Вступительное слово из книги не вырвешь, не вырежешь. И третья катастрофа — с романом Мориака «Подросток былых времен», когда чиновника Й. привело в бешенство, что переводчик оставил эпиграф из Кафки: «Я пишу иначе, чем говорю, говорю иначе, чем думаю, думаю иначе, чем должен думать, и так до самых темных глубин». Эпиграф, дескать, во-первых, ехидный, во-вторых, из Кафки, который осуждался и чье имя «не должно было нигде фигурировать». В редакции яростно искали русский перевод книги, чтобы использовать в качестве аргумента то, что там эпиграф оставили. (Поскольку его не могли нигде раздобыть, жена моя Майка, которая знала, что у меня этот перевод есть, вчера вечером заставила меня полтора часа его искать в дебрях библиотеки; это сводное издание четырех романов Мориака, есть там и «Подросток», причем с эпиграфом). В словацком переводе, который вышел в прошлом или позапрошлом году, эпиграфа не оказалось, поэтому о нем в редакции помалкивали, делая вид, что они вообще не знают о том, что он вышел, чтобы их положение не ухудшилось из-за того, что они были менее

бдительны, чем в Словакии. Облавы, которые при условии достижения такого уровня имбецильности могут проводиться на любую книгу, снова начались с возвращением Й. в Книжный департамент Министерства культуры, куда он недавно пришел на место К. Когда-то он там уже был, и сейчас все вспоминают, что такая же травля за каждое слово была уже тогда. Например, за какую-то фразу, затерянную в книге Сарояна «Не умирать», фразу, которую практически невозможно в ней найти и в которой чиновник Й. увидел хитрое оскорбление Иосифа Виссарионовича Сталина, точнее, его памяти... Что можно считать доказательством того, что такие облавы могут быть (и, как видно, являются) делом рук одного человека. Пожалуй, вот самая глупая история, которую я помню с начала 70-х годов (когда кониаш¹⁸ Й. был в Книжном департаменте Министерства культуры первый раз). В серии биографий выходила книга какого-то испанского автора о Сервантесе. Поскольку работа над ней велась еще в 1969 году, когда еще можно было всё, на *заднем* клапане суперобложки была обычная, размером с абзац, реклама другой книги из той же серии — биографии Кафки, написанной Максом Бродом и изданной еще до 1968 года. Эта реклама со стороны заднего фальца суперобложки разъярила тогда чиновника Й. настолько, что в макулатуру чуть было не пошла вся биография Сервантеса. Но потом он всё же распорядился напечатать 8 000 новых обложек — такой был тираж, — и редакторы «Одеона» в качестве наказания должны были два дня на общественных началах в производственном помещении национального предприятия «Томос» на пражском Жижкове полностью снимать обложки со всего тиража и надевать новые. Старые обложки было приказано сложить в одно место и «официально» уничтожить только после пересчета, чтобы не дай бог не пошли по рукам... Я вспоминаю, что моя Майка тогда пришла с этой «подработки» в пыли с головы до ног... Суть истории, конечно, отличается швейковским¹⁹ суперидиотизмом: три месяца спустя я видел 18 экземпляров книги Брода о Кафке (т. е. не книги о Сервантесе с несчастной суперобложкой, а прямо отвергнутой книги о Кафке) на прилавке в букинистическом магазине на Ечной улице... как нереализованный остаток тиража, пущенный в свободную продажу.

¹⁸ От имени Антонина Кониаша (1691–1760) — чешского иезуита, автора знаменитого списка запрещенных в период Контрреформации книг «Ключ к распознаванию ереси».

¹⁹ Бравый солдат Швейк — сатирический персонаж, придуманный чешским писателем Ярославом Гашеком (1883—1923).

50 (с 14 марта 1977 по 11 апреля 1977)

- Любой прилично пишущий американский автор детективной прозы мне милее, чем вся нынешняя официальная советская литература вместе взятая. Основная и принципиальная разница состоит в том, что, с одной стороны, речь идет о мышлении и творчестве (пусть себе незамысловатом) свободных людей, в то время как, с другой стороны, — об увенчавшихся успехом (в лучшем случае) попытках перехитрить порабощающую цензуру, о бракованном товаре, который подвергается «выходному контролю» этой цензуры. Ничто, кроме брака, через такое сито пройти не может, ничто, кроме брака, не может официально попасть к читателю. Людям, верящим в возможность изменений к лучшему, в то, что с течением времени можно будет что-то протолкнуть в печать, следует извлечь для себя урок из того, что в итоге произошло с так называемым «четвертым поколением», которое пятнадцать лет тому назад с такими надеждами начинало, все эти Конецкие, Аксёновы, Вознесенские... Это было не более чем заблуждение, несчастных несколько лет, когда цензура на короткое время вздремнула, когда репрессивный аппарат не работал полным ходом... Кто поверил в тогдашние иллюзии о постепенном улучшении и проталкивании чего-то там и принял в этом всё участие, закончил как человек на побегушках у Союза и официальный фон-барон, в то время как те, которые из себя что-то представляли (Владимов, Войнович), пришли всё равно к тому, что их не печатают... Настоящая литература была не здесь, а у рязанского профессора математики и физики, у Бродского в лагере, на желтоватых страницах гениального «Чевенгура», которого Андрей Платонов написал еще в 30-е годы и который до сих пор не был издан в его стране.

51 (с 11 апреля 1977 по 13 мая 1977)

- Те, кто подписали так называемое «Заявление художественных союзов», т. е. осуждение «Хартии-77», и ходят сейчас по Праге и Брно, по всей Чехии, и при встрече перед каждым оправдываются, что они были «вынуждены», что им «не оставалось ничего другого, иначе бы их уничтожили полностью»,

придумали весьма уморительную и курьезную формулировку. Они говорят: «Я подписал *где-то* родина²⁰... знаете, я был вынужден...»

52 (с 13 мая 1977 по 11 июня 1977)

- «Все книги, которые люди хотят, в принципе, представляют собой проблему уже только потому, что люди их хотят. Издание таких книг надо еще больше ограничить, необходимо давать людям книги, которые мы хотим, чтобы они читали... Еще меньше западной и особенно американской литературы, еще больше современных советских вещей... Дескать, они такое не покупают и не читают? Если у них не будет ничего другого, они привыкнут читать и покупать такое...» Это не бред паралитика, а изречения товарища Й. — такие люди известны только как «товарищи», имя у них не указывается, — который в настоящий момент отвечает за издание всей переводной художественной литературы в Чехословакии. Вот еще его высказывания: «Зачем они хотят издавать Диккенса? Кому это сегодня интересно? Почему должны выходить в нескольких томах какие-то елизаветинские драмы, кто всовывает в издательские планы эти древности? Какая такая Мадам де Севинье? Кто это сегодня будет читать? Ну а даже если, то почему бы не издать что-то другое из ее произведений, почему письма?» (*sic!*²¹) А в проекте плана «Одеона» были письма Льва Толстого и его жены Софии; когда в министерстве обсуждалось, разрешат ли им это издать, другой культуртрегер К. всё зарубил на корню: «Да она была еще та стерва, эта Толстая, *манда*, что тут издавать? Вычеркнуть из плана!» Юнгвирт мне показывал ужасно урезанный план «Орбиса»: замечания к книгам о путешествиях. Например, им не нравилось, что среди них было *много* книг о море — ну почему это? Замечания к книгам о животных, ко всему... Де-факто они хотят, чтобы вообще ничего не выходило. У меня ощущение, что за время, начиная с 1968 года, вот это всё максимально приблизилось к точке замерзания. Им, по сути, мешает книга сама по себе; им книги никогда в жизни не были нужны, они обошлись без них. По их мнению, книги вообще не должны существовать. Этих людей провоцирует уже сам

²⁰ Первая строчка чешского национального гимна, аллюзия на «Антихартию» — программный документ, осуждающий диссидентов.

²¹ *Sic* (лат.) — так, таким образом, именно так.

факт, что кто-то книгами интересуется, что придает какое-то значение тому, что издается. Имена Джойс, Мадам де Севинье, Кройдер, Фрэзер (как раз сейчас «Одеон» в переплете из-за издания «Золотой ветви» ничтожным тиражом в 2 000 экземпляров) они никогда не слышали, они для них сливаются, как если бы мне кто-то начал растолковывать понятия «серый чугун», «легированная сталь», «цинковый лист», я тоже их путаю. Когда эти люди листают книги, то у них не возникает абсолютно никаких ассоциаций. Они просто не привыкли воспринимать такие вещи, книги в них вызывают чувство недоверия и обмана уже только потому, что там куча самых разных иностранных слов, которые эти люди не знают вообще либо не знают их точного значения (эволюция, энтропия, эмфаза, эвристика, что это, черт побери?). Эти люди полагают, что посредством таких книг кто-то с кем-то договаривается у них за спиной, для них всё подозрительно, абсолютно всё, оно вызывает раздражающий их комплекс неполноценности, ощущение, что здесь есть кто-то умнее их, кто такие книги читает и мечтает о них. Как такое вообще возможно, что *они* без таких книг всегда прекрасно обходились и так далеко при этом поднялись по служебной лестнице партийных функций?! И если их партия наделила властью (а значит, и умом для того, чтобы принимать решения), то почему бы эти неприятные, непонятные книги, с которыми постоянно какие-то неприятности, не затапывать там, где это в их компетенции? Что-то не должно выйти лишь потому, что, по их мнению, оно слишком современно (*для них* современны Джойс и Фрэзер, разумеется), что-то не должно увидеть свет потому, что для них это «древность» (Диккенс, елизаветинцы). И, вероятно, так же они бы рассуждали и о Шекспире, только вот его в настоящий момент им на стол никто не кладет и они не могут принять решение касательно уместности или неуместности его издания. А Шекспир не выходит, поскольку переводы Урбанека*, Топола* и Ренча* не смеют в Чехословакии выходить (в случае Ренча и после его смерти). Собственно, это ничем не лучше, чем громко порицаемая и дискредитированная культурная революция в Китае.

56 (со 2 ноября 1977 по 28 декабря 1977)

- Если человек не согласен забыть и простить коммунизму Сталина, то с какой стати он должен прощать католической церкви инквизицию, преследование

неправоверных, столетнее замалчивание дохристианского и еретического искусства? Только потому, что с тех пор минуло на несколько столетий больше времени? Ну уж нет. Все эти церкви, режимы и идеологии, а также им подобные объединения и организации были в истории не более чем мафия для калечения человеческих жизней. Таинственных человеческих жизней... Никаких идиллических воспоминаний, никакого волшебства рождества, пасхи, первомаев и дней женщин... Это всё такое же лицемерие, несмотря на то что по истечении столетий люди с этим свыкаются, несмотря на то что боль уже утихла, превратившись в сентиментальный жизненный багаж.

57 (с 28 декабря 1977 по 5 февраля 1978)

- При репрессивной политике, которую государство проводит против всей культуры, существует лишь два варианта: отречься и стать отшельником в своей квартире либо непредсказуемо лавировать, изображать, что ты делаешь одно, но при этом делать другое: откреститься от того, ты притворялся заинтересованным, внезапно сделать именно то, что ты больше всего критиковал. Только *особо ничего* ты от этого не выиграешь — разве что весьма низкие ставки, при помощи чего ты их и сбил с толку. Любой ва-банк растопчут носороги, которым в последней инстанции всегда скажут *placet*²² по поводу налечь на всё, что для тех, наверху, не является полностью прозрачным и что начинает представлять для них угрозу. Потом это всё заканчивается превращением в пустое место, эмиграцией или тюрьмой. Тем не менее, принципиальная, программная нелояльность *во всём* — это единственно возможная позиция. На жизнь этим не заработаешь, но встав лицом к лицу с узурпаторами власти, по крайней мере, не начнешь гнить еще до смерти.
- Плевать, да, плевать на всё, что *они нам* предлагают. Не принимать. Обойтись без этого. В моде магнитофоны, диктофоны, те или иные вещи, которые вдруг все массово начали считать необходимыми? Я не хочу их, я не стану ими себя окружать. Всё, что *это* государство с удовольствием сервирует гражданам, предназначено для скорейшего или позднейшего отупления последних, для коррумпирования их сознания, декомпозиции их деятельности, собственного

²² *Placet* (лат.) — букв. «угодно», «желательно»; после Тридентского собора папа римский использовал как формулу согласия с решением.

мышления, для постепенного превращения людей в таких, которые нужны государству. Почему я должен смотреть телевизионные программы, когда я знаю, что решение о том, какими они могут быть, принимают такие люди, как Зеленка и Балашова? С тем, что решения принимают именно эти доверенные лица, назначенные государственной властью, я ничего сделать не могу — лишь пренебрегать и игнорировать, не относить себя к людям, которые могут довольствоваться и смириться с тем, что такие, как Зеленка и Балашова имеют... наконец-то... в конце концов... *право* принимать решение о том, что люди должны и будут смотреть. Ну уж нет! Никогда! Один из самых важных уроков, которые я для себя извлек из пятидесятих годов, можно выразить шестью словами: *Не отвечать им на их вопросы*. Потому что это *их вопросы*, не мои. Потому, что их мне задают *они* и у них нет никакого другого права мне их задавать, кроме того, которое они узурпировали властью. Вообще самое важное — *не проявлять по отношению к ним даже толики доброй воли. Даже намек на нее, намек на то, что им пойдут навстречу, намек на желание договориться и каким бы то ни было образом с ними в реальности общаться.* Те, кто меня или любого другого заставили молчать, не заслуживают ничего иного, не могут, не смеют рассчитывать ни на что иное, кроме как на то, что молчание, которое они мне навязали, будет длиться так долго, пока не станет их могилой. А если станет раньше *моей могилой* — то в таком случае для меня это была единственная приемлемая позиция. Тем временем, к сожалению, — жизнь долгая и она тянется. Нужно изо дня в день, из месяца в месяц как-то зарабатывать на хлеб — на том поле, на котором ты застрял, хотел ты того или нет, именно на том, на котором ты стоишь. Другого у тебя нет. Без истерии, без воплей. Но разговаривать с ними? Искать возможность контакта, налаживать контакты? Никогда. Ведь это *они*...

58 (с 5 февраля 1978 по 4 марта 1978)

- По поводу телевидения — тут у них получилось! Остудить народ. Когда я эти дни постоянно ездил, с Эвой или один, по маршруту Малешнице — Крч — Малешнице (подготовить папину квартиру к переезду), мы не слышали в автобусах и метро никаких других разговоров, кроме как о том, «что вчера было по ящику...» Подростки, люди среднего возраста между собой, бабки с

внуками... Нажать кнопку и «вот оно у тебя дома» — люди перед таким не устоят, и не важно, виною ли тому смирение, лень или усталость... Главное, что они не уважают сами себя. Одна только мысль, что такие люди, как Ян Зеленка или Милена Балашова принимают решение о том, что мне будет показано по телевизору, что мне будет в тот или иной вечер сервировано к просмотру, для меня настолько оскорбительна и унижительна, просто невыносима, что я не смотрю; разве что иногда какой-нибудь — всё равно тенденциозно отобранный — западный фильм. Сотни тысяч людей, не думая, это *проглатывают*, они живут «Мужчинами в мэриях», «Женщинами за прилавком» и «Дачниками» — навозом, сравнить который можно только с баррандовским²³ кинонавозом времен протектората. (Продукция 50-х годов со своим лютым идиотизмом, соцреалистическим примитивизмом — другой случай...) Но эти картинки, картинки с доставкой на дом, эта коровья жвачка для переваривающих, словно рубец, мозгов пользуются успехом. Прямо всенародным. А ты чем дальше, тем больше оказываешься в пустыне. Хоть и не ментальный робот, но в пустыне. Одинокий. Чем дальше, тем более одинокий.

65 (со 2 октября 1978 по 3 ноября 1978)

- Чешский народец в это глухое и горькое время как только не развлекается и чем только не занимается: помимо всего прочего, еще и тем, что производит сладости в виде говна... по шуточным случаям. Юстлу из «Одеона», который сегодня отмечал пятидесятилетие, такой *говноторт* заказал Камил Хробак специально у какого-то кондитера в Колине, где тот их изготавливает. Утром Хробак три четверти часа ждал приезда *говноторта* на автовокзале. Торт, который привезли в новом ночном пластмассовом горшке (средней прозрачности), был изящно украшен каким-то желтым фруктовым желе, очень хорошо имитирующим мочу, и имел идеальную форму спиралью закрученного гигантского куска говна с *appetitlich*²⁴ верхушкой.
- Заголовок из сегодняшней газеты: ЗА ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Только вперед, только вперед.

²³ Киностудия «Баррандов» (чеш. *Barrandov Studio*) — чешская киностудия, основанная в 1921 году братьями Гавелами.

²⁴ *Appetitlich* (нем.) — аппетитный, привлекательный.

71 (с 10 марта 1979 по 7 февраля 1979)

- Верность, слепую лояльность — феодальную добродетель — руководствующаяся «научным мировоззрением» партия ценит больше всего. Навоз, которым мы все — будучи европейцами — были после 1948 года очарованы, этот азиатский навоз конформизма по отношению к «социалистическим дворянам», и в частном порядке практикуемой, совершенно иной морали, который нам казался невероятным, невозможным, растянулся чуть ли не на столетие, отметив собой большую его часть, трансформировался в brutальное безразличие друг к другу, пророс взяточничеством, бардаком, о котором приказано молчать и который все должны молча терпеть; индивидуальное наказание за непокорность всегда может быть еще страшнее; у человека можно забрать даже хлеб, заставить ходить босым — но человек держится, держится, держится... так долго нам в Европе всё время что-то не нравилось, пока мы наконец не оказались в Азии. И ты просто закрываешь на это глаза — родился в прекрасной масариковской* демократии, а умрешь в развивающейся стране, где в магазинах (уже сейчас) нет даже зубной пасты, где за всем стоят очереди, где общественный транспорт уже несколько лет тому назад исчез и был заменен на «случайное подбрасывание пассажиров», которого люди покорно, смиренно ждут на остановках автобусов — так же молча.

75 (с 15 июля 1979 по 28 июля 1979)

- Повышение цен. Было бы неплохо, если бы сейчас кто-нибудь им напомнил все те лживые и оболванивающие лозунги прошлых лет, такие как «Наша цель — достаток для всех», «Жить стало лучше, жить стало веселее», тот рефрен всех обучающих курсов 50-х и 60-х годов, до бесконечности пережевывающий, что преимуществом социалистического устройства является как раз-таки то, что благодаря плановой экономике оно не зависит от колебаний и кризисов капиталистического общества; что именно потому мы встали на путь социализма, чтобы никогда больше не испытывать на себе действий таких явлений. Эти лживые заявления никогда никто не отменял, никогда никто о них не говорил, что это была отвратительная ложь, мерзкая грошовая пропаганда для отупления стада. А сейчас внезапно нас «затронули

последствия кризиса на западных рынках» и т. д. и т. п. Что из этого люди, которым тридцать лет морочат голову, должны выбрать? Только то, что раз лгали тогда и не сумели, не чувствовали потребности, не смогли до сих пор признаться в той лжи — даже в закамуфлированном варианте, как, например, в «заблуждении», лгут, совершенно естественно, и сегодня. И поскольку любого, кто указал бы на это, немедленно заткнут и уничтожат, то не имеет смысла вступать с ними в полемику, имеет смысл им не верить ни сегодня, ни завтра, не верить ни одному слову и стараться их уничтожить. Конечно, не путем громкого скандирования и оттарабанивания демократических лозунгов, а тихой солидарностью сопротивления, пренебрежения и инфильтрации, выжиданием подходящего момента; всеми средствами, инклюдированными в лозунге, что единственное оружие вассалов — предательство, в лозунге, который имеет силу. Трагизм заключается в том, что человеческая жизнь коротка: возможность, которая была у чехов одиннадцать лет тому назад, упустили все те *hotheads* Дубчека* как раз потому, что не поняли, что они не избавятся от советских танков путем демократических возгласов и громких декламаций по поводу того, на чьей они стороне. Уже с самого начала 68-й год вонял тем типичным чешским вывешиванием знамен, торопливым возвращением статуй папочки Масарика* на осиротевшие постаменты (как будто бы ничего более срочного, более неотложного не было), тем любезным объединением с «прогрессивными» коммунистами (которого никогда не должно было произойти), непониманием того, что те являются «прогрессивными» лишь потому, что поддались панике, впечатлению, что «старым временам» конец, и потому они стараются быть «самыми прогрессивными» из всех, полагая, что им за это простят 50-е годы.

- 21-Е ВЕЛИКОЕ ПОВЫШЕНИЕ ЦЕН — бензин, газ, электричество, телефоны, почтовые сборы... Единственный «комментарий» по поводу всего этого в газете «Руде право», в то время как остальные газеты сухо сообщают лишь о «Заявлении органа по вопросам регулирования цен». От Юнгвирта, у которого мы с Жилиной просидели в четверг до самого утра, я узнал, что гэбэшникам еще на прошлой неделе повысили месячную зарплату на 300 крон, чтобы повышение цен их не задело (хотя бы внешне)... Подошел бы и такой комментарий: «Подождите, паршивцы, когда товарищ Гусак вернется из

отпуска, который он проводит в СССР, то устроит вам разнос за то, что вы за его спиной повышаете цены...» Только шутки в сторону — товарищ Гусак* никакой не дурак.

77 (с 19 августа 1979 по 1 сентября 1979)

- Пересоленные сосиски, черствый хлеб, фрукты по завышенной цене, прокисшее молоко в пластиковых пакетах, на которых невозможно разобрать дату, когда они покинули молокозавод, очереди в отделениях почты (да, в отделениях почты!), зубная паста как дефицитный товар — это всего лишь нынешний реальный социализм в Чехословакии. Взятки, без которых нельзя обойтись в киоске, в мясной лавке, у доктора — взятки, без которых нельзя обойтись нигде; переполненные трамваи и автобусы, никогда не едущие вовремя, а с совершенно неконтролируемыми интервалами, практикующие систему «случайного подбрасывания пассажиров», в то время как общественный транспорт де-факто перестал существовать, по крайней мере, в том смысле, в каком его понимали ранее, т. е. когда человек, которому надо было, например, в восемь быть на вокзале, знал, что он туда действительно попадет, если в определенное время придет на остановку трамвая или автобуса... Это лишь реальный, без чепухи украшательства результат «международного сотрудничества» в рамках СЭВ, это результат тридцатилетнего «приближения к социализму», результат тридцатилетнего хозяйничанья коммунистической партии в этой стране, это воплощение лозунгов «Наша цель — достаток для всех!», «Жить стало лучше, жить стало веселее!», «Больше труда республике — вот наша агитация!», всех тех лозунгов, которые никогда никем не были отменены, в бессмысленности которых никогда никто не признавался и за которые, вероятно, никому из их распространителей никогда даже не было стыдно...

Сегодня эти лозунги должны любому казаться нелепыми шутками идиота, но тогда, когда они висели на каждом углу, достаточно было против них выступить, достаточно было произнести против них хотя бы одно единственное слово, и человеку была обеспечена тюрьма или увольнение с работы... В то время как мадам Ш. и десятки других таких же мадам засекают небо над республикой на вертолетах, как будто бы никакого более дешевого

транспортного средства просто не существует. Кто-то будет утверждать, что это не так? И в газету напишет какая-нибудь глупышка — либо просто наивная душа — из деревни о том, как она в сопровождении гражданок провела первую половину воскресенья, обхаживая площадь и собирая взносы на помощь Вьетнаму, пострадавшему от китайского вторжения (разумеется, она не знает или ее уже не интересует, что эти бедные вьетнамцы, до зубов вооруженные русским оружием, вторжение Китая спровоцировали тем, что прежде оккупировали Камбоджу, точно так, как брежневские танки в августе 1968 оккупировали Чехословакию — и за целых полдня она собрала только 710 крон... Милая глупышка или просто милая наивная девушка, а знаешь ли ты, что вот этой суммы, которую ты у людей выклянчила, не хватит даже на полных 11 минут полета вертолета с г-жой Ш. на борту, вертолета, который летом летает по маршруту Прага — Липно и назад два или три раза в неделю? (И это по старым, доиюльским ценам на горючее.) А знаешь ли ты, что для снабжения семей «руководящих партийных работников», которые относятся к так называемой номенклатуре, в Праге существуют специальные магазины — точнее раздаточные пункты, — переполненные зарубежными товарами первого сорта, не второсортной дешевкой из сети «Тузекс»²⁵, где нет выбора, а магазины со службой доставки прямо на дом, магазины, о существовании которых представители «стада» никогда даже не узнают, не то что когда-нибудь переступят их порог? Семьи «руководящих партийных работников» снабжаются овощами, фруктами и мукой из специальных хозяйств на Шумаве*, где запрещены искусственные и химические удобрения, чтобы продукты не были вредны для здоровья, в то время как «стадо» стоит в очередях за засохшими кубинскими апельсинами, при этом в периферийных городах и тех нет. Специальный самолет летает ежедневно в Швейцарию за первосортными сырами, йогуртами и даже молоком (опять же для того, чтобы оно было безвредно для здоровья!) для столов «руководящих партийных работников». Этот специальный самолет привозит даже цветы для жен и любовниц «руководящих партийных работников»... На такой особняк, который в пражской Трое имеет Антонин Капек* и который охраняется помимо сотрудников тайной службы еще и сворой хорошо выдрессированных собак, за

²⁵ «Тузекс» (чеш. „Tuzex“) — сеть магазинов эпохи чехословацкого социализма (аналог советской «Березки»), в которых за иностранную валюту или специальные облигации, т. н. бонны можно было купить зарубежные, преимущественно западные товары.

всю жизнь не сумел бы заработать даже барон Петшек*. Сколько вилл в разных местах республики имеет Любомир Штроугал*, невозможно сейчас точно подсчитать, потому как изо дня в день наш «товарищ премьер-министр» обзаводится себе на радость всё новым имуществом... Поговаривают, что когда дочь одного из них недавно выходила замуж, то она получила от папули в качестве подарка на свадьбу машину с золотыми ручками. Да, именно так, с золотыми ручками. Знаешь ли ты всё это, милая наивная девушка — или глупышка, — та, что всю первую половину воскресенья обхаживала деревенскую площадь в сопровождении «гражданок» и собрала на помощь Вьетнаму 710 крон? Знаешь ли ты это? Крах экономики и повышение цен «руководящие партийные работники» сейчас объясняют и оправдывают рассказами о том, что во всем мире «дела идут хуже».

И всё-таки! Внезапно! Все пятидесятые и шестидесятые годы на всех учебных курсах людям вдалбливали, что «социалистический путь» мы избрали именно потому, что социализм и его экономика не зависят от внутренних кризисов, что «плановая» и «научно управляемая» экономика не поддается колебаниям роста, поскольку она не отдана на произвол стихийности, дракам на конкурентном рынке... ведь в этом основное, неоспоримое преимущество социализма. И сейчас вдруг эти утверждения больше не являются правдивыми? Какой «урок» могут из этого «кризисного развития» извлечь граждане нашей страны? Единственный: всё, что коммунистическая партия Чехословакии когда-либо с момента узурпирования власти и подавления свободы слова говорила людям, было вранье, вранье и фальшивые лозунги, замалчивание фактов и сокрытие правды, демагогия для дураков, которые завтра не будут знать, что им попугайничали вчера, всё это было лишь преднамеренным, непрекращающимся и плановым камуфлированием правды. Для такой вот «политики» в итоге становятся опасны и слова, да, уже даже простые слова опасны! Всё следует укутать во фразы, в менее точные, завуалированные понятия: оккупация должна называться «ввод» или «интернациональная помощь», повышение цен должно называться «регулирование цен», полное затыкание ртов и закабаление всех должно осуществляться под заголовком «консолидация»... Этот способ вранья и господства над людьми, безусловно, не отечественного происхождения. Это

советские приемы, советский опыт, в соответствии с которым в Чехословакии «правит народ» посредством своих представителей, пусть и не избранных ни на каких свободных выборах, но зато назначенных, «приставленных» к исполнительной власти оккупационными войсками... Человек вольно-невольно задается вопросом: на чем этот отвратительный режим держится в СССР столько лет? Почему он уже давно не был свержен этими беднягами, этими наполовину голодными миллионами людей, живущих на картошке и капусте, которых тоже не всегда хватает, почему они его терпят и продолжают страдать? Ответ прост: «Всё в мире лучше смерти». И смерть, и хождение в рванье, коммунальные квартиры с общими кухнями, напоминающие крольчатники. «Советские люди» хорошо усвоили, что взбунтоваться против этого режима означает быть ликвидированными. Сталин им достаточно основательно вбил это в головы на целое столетие вперед. Кроме того, здесь существует и работает целая система коррупции, рафинированная и дифференцированная по направлению сверху вниз: один получает чуть больше второго, второй больше третьего, и так каждый, кто чувствует на себе малейшее преимущество, подавляет других и следит за теми, у кого положение еще хуже, чем у него, не солидаризуется и не объединяется с теми внизу против тех наверху, занимает в отношении их позицию не бунтаря, но завистника, которому хотелось бы оказаться среди них, который хотел бы к ним присоединиться, втереться к ним... И заколдованный круг мертвой руки продолжает существовать, в нем умирают поколения, в нем рождаются дети.

84 (с 14 марта 1980 по 27 марта 1980)

- Государство, которое выманивает у доноров кровь, взывая к их гуманности — и даже уже за нее не платит, — а потом эту же кровь продает исподтишка Западной Германии за валюту; государство, в котором партийная сегрегация — разделение людей на льготников, привилегированных членов партии либо номенклатурщиков, и граждан, которых с кислой миной терпят, — достигла формы расизмофашизма; государство, где роженицы, уходя из роддома, подписывают расписку, что в течение двух лет дети будут получать в качестве питья только минеральную воду, потому что результатом катастрофически дорогостоящих «гидротехнических сооружений» является опасная для

здоровья вода — но ни слова об этом не должно просочиться в газеты, — когда в один год (летом 77-го) — эпидемия дизентерии, в другие годы — катастрофическая эпидемия желтухи, ежегодно всенародная эпидемия гриппа (как, например, сейчас) — и газеты об этом должны молчать —; государство, где на дегуманизированном волапюке людей накачивают глупостями о перестройке промышленности и об успехах, в то время как экономика, снабжение, поставки лекарств и вообще всё катится к чертям на всех фронтах — и никто не смеет даже словом обмолвиться о единственной причине: что всё, что производится принудительно, по продиктованным недоценам, вывозится в Союз — государство-издевательство над всеми, государство-самомат.

87 (с 6 мая 1980 по 1 июня 1980)

- Как, собственно, у социализма обстоят дела с «прогрессом» по истечении тех тридцати двух лет, что *они* находятся в Чехословакии у власти? В пятидесятые годы во времена Готвальда казнили женщин, но тогда в магазинах всегда были спички и зубная паста; сейчас, правда, женщин не казнят, но зато купить спички и зубную пасту невозможно. «Научное мировоззрение», четверть века скандирования лозунгов о «счастливом будущем», о том, что «наша цель — достаток для всех», что «жить стало лучше, жить стало веселее», это всё привело *их* к невозможности удовлетворить базовые человеческие потребности (ведь, ей-богу, спички и зубная паста являются *базовыми* человеческими потребностями), причем в прошлом веке эти товары всегда были на рынке даже в австрийско-венгерских деревнях и в провинциальных городишках царской России. Они добились абсолютного провала и краха, и нас — закабаленных — уволокли в эту бездну с собой. Я родился в золотое время республики Масарика*, когда — до сих пор помню с детства — и воздух, и деревья пахли свободой, а умру в опустошенной, разоренной западной провинции азиатской империи... Таким образом, весь «прогресс» относительный: разве только в том, что Гавел сегодня пашет где-то в Гержманицих у Остравы, в то время как тридцать лет тому назад гэбэшники уже давно бы развеяли его пепел из «татраплана» во время ночной езды по

бенешовской трассе²⁶. В официальных выступлениях для нашей популяции, которая за этих тридцать лет более чем на 50 % сменилась и подсознательно искореняет из памяти всё, что может доставлять неудобство и тревожить её и без того убогую и нерадостную повседневность, это называется так: «несмотря на определенные трудности мы по-прежнему идем вперед и достигаем положительных результатов». И самым положительным результатом, которого наше поколение еще может дожидаться, является смерть.

101 (с 22 августа 1981 по 25 сентября 1981)

- Министерство культуры разослало в издательства распоряжение, что необходимо вести компьютерный учет всех авторов «мировой классики», чтобы иметь представление, какие их произведения и когда издавались. Для этого следует использовать их «личные номера», установленные на основании даты рождения... На вопрос, как установить личный номер Гомера, когда никто точно не знает, в каком веке он, собственно, родился, сотрудник министерства по телефону ответил: «Ну да — таким кадрам какой-нибудь личный номер нужно просто придумать!»

102 (с 25 сентября 1981 по 23 октября 1981)

- Тотальное «нет» коммунизму в любом его виде. Нет и точка, без дальнейших объяснений. С самого начала в чехословацком фиаско 1968 года и теперешней тупиковой ситуации, которая тянется в Польше уже больше года, были заложены обреченность и бессилие, выражающиеся в том, что люди были вынуждены маневрировать, что, находясь в позиции слабого, они пытались как-то «продержаться», изначально допуская свою слабость, и позволяли этой ситуации в определенной степени парализовать себя. Слабость, безусловно, была объективной, она объективно существовала, но если народ решил пойти этим путем, то он должен верить в чудо, в противном случае нет смысла начинать. Венгры при всем ужасе и крови, которой *там* всё это закончилось —

²⁶ Скорее всего, речь идет о кремированных останках 11 чехов и словаков, которые были казнены в декабре 1952 года в результате сфабрикованного процесса об антигосударственном заговоре вокруг Рудольфа Сланского (1901—1952).

как раз четверть века тому назад, — демонстрировали свою фанатичную гордость, вызов с поднятым забралом, идеализм, надеющийся на чудо. Я помню день, когда в Будапеште снова были советские танки, один из последних дней подавленной революции. Как раз в то время мы со Шкворецким* были на Зимнем стадионе, я уже не помню, на что мы тогда ходили, наверное, это был чемпионат Европы по боксу. Мы шли по пражскому мосту в сторону ул. На Поржичи, дул ветер и моросило. Перед кафе «Опера» мы купили газету, а в ней был заголовок о том, что разобщенные контрреволюционеры из Будапешта бегут к австрийской границе. «Черт побери, плохая погода для побега к границе у этих разобщенных контрреволюционеров», — сказал я цинично, чтобы не расплакаться. «Это да. Дьявольски плохая погода», — произнес Шкворецкий, и в глазах у него стояли слезы.

105 (с 18 января 1982 по 15 февраля 1982)

▪ «Нет людей!»

(Ни на что нет людей — почта вовремя не доставляет письма, дворники не разгребают снег, кассиры из универсамов остаются дома, когда им вздумается, продавщицы вместо того, чтобы продавать, барыжничают товаром и обмениваются им с продавщицами из других магазинов — мясо на текстиль, фрукты на электроприборы — автобусы не ездят по расписанию, поскольку какое-то количество водителей не пришло на работу — нет людей. Любопытно в этой ситуации лишь то, что во времена капитализма люди были. На всё. Во времена этого долбаного капитализма!)

- Что делали эти так называемые молодые поэты, наперегонки публикующиеся в Чехословакии в течение последних десяти лет? Ничего иного, как *маскировали чудовищное*. Ничего иного, как помогали режиму поддерживать псевдоиллюзию нормальности. Было ли хоть в одном из их стихотворений слово о советской оккупации? Было ли хоть в одном из их стихотворений упоминание о том, что режим приказал выкопать Палаха* из могилы и вывезти труп из Праги? Было ли хоть в одном из их стихотворений написано о том, что стражи режима бьют женщин по почкам и Тршешняку* горящими

сигаретами прижигают пальцы? Было ли хоть в одном из их стихотворений написано о том, что Гавел* сидит за решеткой только за то, что он говорил и писал, что думает? Или что-нибудь о том, что режим заставил сотни людей эмигрировать, хотя они имели такое же право оставаться и жить в Чехословакии? Было ли хоть в одном из их стихотворений что-нибудь о том, что русские грабят страну, что не молчать по поводу лжи либо даже не произносить ложь означает нарваться на проблемы, которым нет конца и края? Было ли хоть в одном из их стихотворений о том, что режим дружит с Каддафи, что он экспортирует оружие в самую отвратительную клоаку насилия и террора? Было ли в одном из их стихотворений хотя бы слово о том, что режим, которому грозит конец или, что еще страшнее, санкции, заставляет людей осуждать, отказываться и осуждать вещь, которую им никогда не было разрешено даже прочесть? («Хартия-77»). Было ли в каком-либо из их стихотворений хотя бы упоминание о том, что режим до смерти будет преследовать и уничтожит любого, кто осмелится заявить, например, хотя бы то, что «не считает проводимую СССР политику наилучшей из возможных» или что «понаделать народных артистов из людей, как Тауфер* или Богумил Ржига*, смешно, что это верх абсурда»? Было ли в каком-либо из их стихотворений хотя бы слово обо всем этом? Нет, не было. Что они эти десять или тринадцать лет делали? Охотились за деньгами, охотились за карьерой и помогали *маскировать чудовищное*. И они полагают, что за это у них есть право на то, чтобы их воспринимали серьезно? Чтобы их считали поэтами, писателями?

110 (с 27 июня 1982 по 4 сентября 1982)

- При тотальном крахе всего, жизни в условиях кризиса и ветрянки, разрешено максимум тихим голосом говорить о «трудностях» и о «некоторых недостатках», но на этом всё заканчивается. Тот, кто не позволит заткнуть себе рот, кто не отречется от своих вопросов, тот подлежит ликвидации.. поскольку *они не могут жить в одном доме с правдой и знают это*. Либо коммунизм, либо правда. Это две взаимоисключающие вещи. Как они могут отвечать на вопросы?! Кого и как наказали за смерть миллионов в сталинских лагерях? Кому воздали по заслугам за масштабнейшую глупость, название

которой Кошицкий меткомбинат²⁷? Кто понес наказание за возведение памятника Сталину²⁸? Кто имеет право убивать и оставаться у власти, хотя был в убийствах не просто уличен, но и сам в них признался? Циничный ответ на последний вопрос звучит так: *тот, у кого власть, тот, кто власть не потерял*, — тот остается у власти, и не важно, что все знают, что он безнаказанный убийца. Пока в его руках власть, он сможет убить каждого, кто отважится сказать ему это в глаза.

121 (с 25 октября 1983 по 19 декабря 1983)

- Одна из самых отвратительных ролей, которую «социалистическое общество» навяжет всякому, кто в нем вынужден существовать, кто хочет физически выжить — даже тот, кто с этим обществом никогда не смирился, кто не завещал ему свою душу и не продался, должен в течение длительного периода (и бдительно, бдительно!) симулировать, должен, по крайней мере, делать вид, что он, конечно же, этому обществу завещал свою душу, что его никогда не посещают еретические мысли, что ему бы даже в голову не пришло думать что-то другое, чем то, что думает стая, которая благодаря чешской глупости в 1948 году захватила власть и с помощью советских танков в 1968 году эту власть удержала. Практически исключено, что вам удастся избежать ликвидации без *такой вот маски*, без *такого вот притворства*. Это было не только бонмо или мимолетная идея — то, что Пастернак написал в «Живаго» об инфарктах, — это болезнь, болезнь людей, чахнувших в принудительном, навязанном, пожизненном раздвоении, чудовищном дуализме: думать одно и быть вынужденным говорить другое (под постоянной угрозой ликвидации). Он понял, что такая аномалия обязательно должна с человеком что-то сделать, что такое нельзя безнаказанно пережить.

²⁷ Комбинат начали строить в 50-е гг., не имея всей необходимой технической документации, но уже в нач. 1953 г. Прага приняла решение приостановить строительство (известен как металлургический комбинат *НУКО*).

²⁸ Речь о пражском памятнике И.В. Сталину, представлявшем собой крупнейшую архитектурную группу в Европе; простоял с 1955 по 1962 год, после чего был взорван.

- Всегда новый, неутихающий приступ гнева при воспоминании о 50-х — не только за тех, кого казнили, выжили из страны, бросили ни за что ни про что годами гнить за решеткой — но и за все фильмы, которые в то время снимали в мире и которые они у нас [в Чехословакии] не показали или показали с десятилетним-пятнадцатилетним опозданием, когда уже эти фильмы повествовали о совершенно ином времени и обращались к совершенно иному, на столько же постаревшим людям... Это ли не преступление? Это ли не преступление, совершенное в отношении одной или двух генераций — не дать им фильмы их поколения, не дать им книги их поколения? Где тогдашние кретины из числа партийных активистов, которые принимали решение о том, что люди могут посмотреть в кино, а что — нет? Они, безусловно, ни в чем из того, на что другим было сказано «нет», в своей жизни не нуждались. Я вынужден был время от времени сидеть с ними рядом на собраниях, на встречах редакционного совета в ежемесячниках «Гость» и «Тетради» и знаю, что это были скоты с ментовскими мозгами (я не преувеличиваю, наоборот, скрашиваю), которые не нуждались ни в чем, кроме как охранять, быть бдительными и любой ценой удерживать власть, потому что ничего иного у них и не было... и те, кто назначил этих людей управлять культурой, кто доверил им власть и принятие решений, что можно показывать на экране и читать, а что нет, те совершили преступление, не подлежащее сроку давности, и каждый раз снова, каждый день снова их следует в этом обвинять... Только вот серость, тупость и компромиссность жизни забывает обо всем — спустя пару лет она не хочет слышать ни о реальных убийствах, ни о ГУЛагах, — тем более о том, что одно или два поколения были делювиальными «верными» управляющими лишены каких-то фильмов или книг, которые для них имели смысл *тогда*, позже уже нет... Когда сейчас при общении с кем-нибудь из моего поколения эта тема поднимается, что бывает редко, то им кажется — если они вообще еще осознают, что это происходило, — что им просто не повезло, хм, не повезло — да и только. Ограбленные, которые со временем смогли в совершенстве забыть о том, что их ограбили! Так, как когда-то говорили о людях, превращенных в *пушечное мясо*, деградировавших до пушечного мяса, этих «забывших» деградировали, они сами со своим забыванием

деградировали до *материала для диктатур*. Так и живем в крольчатнике диктатуры, чем дальше, тем больше и безнадежнее погрязая. Многие уже к вечеру не помнят, что в полдень одного из них куда-то забрали, что уже два дня им забывают дать жратву — и человеческая жизнь превращается в смиренное вегетирование кроликов, куриц, поросят. В *Загон*. В *Скотный двор*.

2

20 июня 1984

- ДВИСТ... Конечно же, не означает Дальневосточный институт советской торговли, но: **Дай взятку или смерть тебе!** Своей наивностью напоминает «толкование» слова МОКЛ, которое мне в 60-е после амнистии поведали друзья моих родителей, как и те, только что вернувшиеся из тюрьмы. **Мужчина, определенный к ликвидации...** Как они тогда все эти игры проживали! Как еще — где-то в серединах жизней — рассчитывали на то, что что-то поменяется, что обиды будут искуплены, что кто-то исправит то, что сломал. Ничего, ничего, ничего во второй половине пути их уже не ожидало, разве что серость, старение, компромиссность, и, наконец, лишь благодарность за то, что те, кто им когда-то разрушил жизнь, в конце концов им позволят *рядом с собой, как-то безвозмездно*, скромно существовать... Потом уже о себе стали давать знать годы, болезни, осели идеалы, всё было нивелировано, и жизнь продолжалась! Она всегда продолжается. Из пепла и ничтожества тех непомилованных, неспасенных выросли новые комики, чихающие на всё, что было до них, на мертвых обеих войн, на истребленных и ликвидированных, проживают свой биологический цикл, пока и их не поглотит темнота. Я надумываю и с горечью воспринимаю вполне естественные вещи? Так было всегда? Нет, не было. Чувства — к примеру — такого Франи Шрамека* после его возвращения с первой войны к тем, кто вокруг погиб, к тому, что вокруг погибло, безусловно по своей природе не были настолько равнодушные, как чувства этих новых поколений, которые воспринимают состояние после разгрома в 68-м году как *fait accompli*²⁹ и которым не интересно: Чего эти проигравшие тогда добивались? В чем они тотально провалились? И чем они,

²⁹ *Fait accompli* (фр.) — букв. «свершившийся факт».

тем не менее, без оговорок пожертвовали... Всё это новые поколения не интересует. Чувство солидарности чем дальше, тем больше обнуляется. Они позволяют, чтобы рядом с ними убивали, обижали, истекали кровью, а сами даже не пикнут. Вот распространенная сейчас позиция. Вспоминаю израильского поэта Давида Рокеаха, которого я когда-то хотел переводить: «Они стояли по пояс в крови и делали поэзию. Я не мог...»

- Социализм = не только резиновые булочки, гиперацидные йогурты, колбасы из мяса нутрий, зельц из индюшатины и пиво из риса, подернутое афлотоксинной плесенью, *но и...* «хроническая нехватка протезов всех видов, тянущееся годами ожидание поставки костылей, тростей и инвалидных колясок для людей с ограниченными физическими возможностями».

Примечания

- Бенешов — город в 37 км юго-восточнее Праги.
- ГАВЕЛ, Вацлав (1936—2011) — чешский писатель, драматург, диссидент, правозащитник и государственный деятель, последний президент Чехословакии (1989—1992) и первый президент Чешской Республики (1993—2003).
- ГЕНДРИХ, Иржи (1913—1979) — чехословацкий политик, член ЦК Коммунистической партии, возглавлял идеологическую комиссию, один из самых влиятельных людей во время эры Антонина Новотного (1904—1975).
- ГОТВАЛЬД, Клемент (1896—1953) — чехословацкий политический деятель, лидер Коммунистической партии Чехословакии, премьер-министр и президент Чехословакии.
- ГУСАК, Густав (1913—1991) — последний президент социалистической Чехословакии.
- ДУБЧЕК, Александр (1921—1992) — чехословацкий государственный и общественный деятель, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии в 1968—1969, главный инициатор курса реформ, известных как Пражская весна.
- КАПЕК, Антонин (1922—1990) — член Президиума ЦК КП, один из подписантов письма Л. Брежневу, на основании которого в Чехословакию были введены войска Варшавского договора, возглавлял парторганизацию Праги, покончил жизнь самоубийством, повесившись на своей даче.
- ЛАЙХТР, Ян (1858—1946) — чешский издатель, с 1896 владел издательством в Праге, которое издавало преимущественно философскую, социологическую и юридическую литературу.
- МАСАРИК, Томаш Гарриг (1850—1937) — чешский социолог и философ, общественный и государственный деятель, первый президент Чехословацкой Республики.
- НОВОТНЫЙ, Антонин (1904—1975) — президент Чехословакии в 1957—1968, 1-й секретарь ЦК КПЧ в 1953—1968.

- ПАЛАХ, Ян (1948—1969) — студент философского факультета Карлова университета в Праге, в 1969 году совершил самоубийство в знак протеста против оккупации Чехословакии войсками стран Варшавского договора.
- ПАТТОН, Джордж Смит (1885—1945) — генерал, один из руководителей американского штаба в период Второй мировой войны.
- ПЕРОУТКА, Фердинанд (1895—1978) — чешский писатель, драматург, публицист, один из самых ярких представителей чешской демократической журналистики, первый шеф-редактор чехословацкой редакции радио «Свободная Европа».
- ПЕТШЕК, Игнац (1857—1934) — чешский предприниматель, промышленник, меценат еврейского происхождения, был одним из самых богатых людей в Чехословакии, его называли «угольный барон».
- ПРАЖАК, Альберт (1880—1956) — чешский литературный историк.
- РЕНЧ, Вацлав (1911—1973) — чешский поэт, драматург и переводчик, в 1952 году был осужден на 25 лет по сфабрикованному делу против католической интеллигенции, реабилитирован посмертно в 1990 году.
- РЖИГА, Богумил (1907—1987) — чешский писатель, автор детской прозы и исторических романов.
- СЛАНСКИЙ, Рудольф (1901—1952) — чехословацкий государственный деятель, журналист, депутат Национального Собрания, с 1929 года — Генеральный секретарь ЦК КПЧ, один из руководителей Словацкого национального восстания 1944, в 1952 года был казнен как организатор и глава заговора, реабилитирован посмертно в 1963 году.
- ТАУФЕР, Йиржи (1911—1986) — чешский поэт, переводчик и политический работник.
- ТОПОЛ, Йосеф (1935—2015) — чешский поэт, драматург, переводчик, в 1972 году попал в списки запрещенных авторов, но продолжал работать как переводчик под именем одного из своих друзей.
- ТИХИЙ, Франтишек (1896—1961) — чешский живописец, график, книжный иллюстратор.

- ТРШЕШНЯК, Властимил (1950—...) — чешский бард, писатель, художник и фотограф, после подписания «Хартии-77» его заставили эмигрировать из Чехословакии.
- УРБАНЕК, Зденек (1917—2008) — чешский писатель, переводчик, педагог, после 1968 года попал в списки запрещенных писателей, поэтому его переводы выходили под именами друзей.
- ШАЛЬДА, Франтишек Ксавер — (1867—1937) — чешский литературный критик, писатель.
- ШКВОРЕЦКИЙ, Йозеф (1924—2012) — чешский и канадский писатель, после вооруженного подавления Пражской весны эмигрировал.
- ШРАМЕК, Франя (1877—1952) — чешский анархист, поэт и импрессионист.
- ШТРОУГАЛ, Любомир (1924—...) — чехословацкий государственный и политический деятель, был министром сельского, лесного и водного хозяйства, позднее — министром внутренних дел; Бюро по документации и расследованию преступлений коммунизма выдвинуло в его адрес ряд обвинений, но дело было закрыто за отсутствием доказательства вины.
- ЭФФЕНБЕРГЕР, Вратислав (1923—1986) — чешский литературный теоретик.

Глава 2. Комментарий к переводу

1. Переводческий анализ оригинала

1.1. Портрет автора

1.1.1. Биография

Чешский поэт, прозаик, переводчик и редактор Ян Забрана родился 4-го июня 1931 года в семье учителей в небольшом городке Гералец на границе Чехии и Моравии. Учился в общеобразовательной начальной школе и реальной гимназии в г. Гумполец, куда в 1933 году в съемную квартиру переехала его семья. Свой собственный дом они смогли себе позволить лишь спустя 7 лет. Тогда еще они не знали, что их ждет конфискация всего имущества.

Ян Забрана всё сильнее увлекается литературной и переводческой деятельностью. К тому времени его отец занял должность мэра г. Гумполец, а мать стала членом центрального комитета Чехословацкой национал-социалистической партии (в ней оба родителя состояли еще с 30-х гг.), а также членом Областного совета по вопросам просвещения. После коммунистического путча в 1948 году они были обвинены по сфабрикованным делам и впоследствии осуждены на длительные сроки. Первой в 1949 году арестовали мать Яна Забраны. В мае 1950 она была осуждена по уголовной статье за измену родине и шпионаж и приговорена к лишению свободы сроком на 18 лет (позднее она напишет книгу воспоминаний под названием „Ohlédnutí“ («Оглядываясь» — пер. наш), которая будет издана посмертно в 1994 году).

Яну чудом удалось закончить гимназию и получить аттестат зрелости. Но уже осенью его ожидал отказ в приеме на философский факультет Карлова университета по причине *«полного отсутствия политических предпосылок для поступления в высшее учебное заведение»* [34 : 1]. Будущему студенту пришлось отказаться от идеи изучения классической филологии и прибегнуть к запасному варианту — поступлению на римско-католический теологический факультет им. Кирилла и Мефодия. После четырех семестров учебы Яна заставляют перейти на заочную форму обучения, но и оттуда его в 1952 году исключают. Отчисление было связано с арестом отца, которого впоследствии осудили по уголовной статье за измену родине и приговорили к 10 годам лишения свободы и конфискации всего семейного имущества.

Яну ничего не оставалось, как уехать из родного дома. В связи с этим он принимает решение переехать в Прагу. Будучи окончательно лишенным возможности получить высшее образование, в 1952 г. он устраивается на вагоностроительный завод «Татра-Смихов», чтобы освоить профессию слесаря. Позднее в 1953—1954 гг. Ян Забрана работал шлифовщиком в производственных помещениях кооператива «Смалът» (районы Голешовице, Радотин), изготовлявшего ванны и умывальники. Несмотря на то, что жизнь заставила поэта трудиться в совершенно чуждой ему сфере, он старался общаться с неконформистскими людьми искусства, прежде всего, писателями и переводчиками, в большинстве случаев непризнанными режимом. Со многими из них у него впоследствии завязалась дружба. Например, одними из самых близких его друзей стали писатели Йозеф Шкворецкий и Йосеф Едличка. Особое значение для Яна Забраны имели также встречи с писателем и поэтом Богумилом Грабалом, визиты к поэту и художнику Иржи Коларжу. Также он был знаком с драматургом Вацлавом Гавелом, который станет последним президентом Чехословакии и первым президентом Чешской Республики (именно он написал предисловие к изданным посмертно дневникам Яна Забраны).

С середины 50-х до конца 60-х гг. Ян Забрана публикует свои рецензии, стихи и переводы в ряде литературных журналов. В 1955 году благодаря удачному переводу стихов Сергея Есенина он был принят в Союз переводчиков Чехословакии. С тех пор Ян Забрана начал зарабатывать на жизнь как профессиональный художественный переводчик с русского, английского и др. языков, став одним из крупнейших мастеров в своей стране. Благодаря его переводам по-чешски заговорили, например, А. Бирс, Д. Конрад, Э. Паунд, У. Стивенс, К. Сэндберг, Г. Грин, С. Плат, А. Гинзберг, Д. Болдуин, А. Конан Дойль, А. Кристи, И. Бунин, Б. Пастернак, О. Мандельштам, М. Цветаева, Б. Пильняк, И. Бабель, Ю. Олеша, А. Платонов, И. Эренбург, А. Солженицын, Г. Владимов, В. Аксенов, П. Верлен, А. Рембо, Э. Верхарн, Г. Аполлинер, И. Франко и др.

В 1960 году родители Яна Забраны дождались условного освобождения (без возможности реабилитации). Далее последовало еще одно счастливое событие — свадьба с Марией Лесковяновой, на тот момент начинающим редактором журнала «Всемирная литература». Позднее она работала редактором в издательстве «Одеон». В 1964 г. у них с Яном Забраной родилась дочь Эва (в

2014 году была опубликована на сегодняшний день ее единственная книга „Flashky“ («Флешки» — пер. наш), посвященная воспоминаниям об отце, который умер, когда ей было 19 лет).

Во время Пражской весны Ян Забрана работал над переводом «Доктора Живаго» Бориса Пастернака и ему казалось, что ничего важнее данного произведения быть не может. После оккупации Чехословакии войсками Варшавского договора в 1968 году Ян Забрана попал в списки запрещенных авторов, в связи с чем потерял возможность публиковать свои произведения. Однако ему было позволено заниматься переводческой деятельностью. Пользуясь этим, он часто предоставлял возможность другим запрещенным авторам публиковать свои переводы под его именем (то, что он в своих дневниках называет «покрывательством» [1 : 440]). Постепенно жизненная ситуация Яна Забраны ухудшается: далеко не все его переводы пропускает цензура. Так, были запрещены переведенные им роман «Доктор Живаго» Бориса Пастернака и сборник стихов «Вопль» Аллена Гинзберга. Как только обе книги вышли из печати, они были тотчас отправлены в макулатуру. Несмотря на свое незавидное положение, Ян Забрана отказался от предложенного ему (не без содействия Йозефа Шкворецкого) рабочего места на кафедре славистики в Торонто, оставшись в оккупированной Чехословакии.

Вместе с материальным положением ухудшается и его состояние здоровья. В 1976 году Яну Забране диагностировали диабет, а в 1982 году врачи обнаружили у него рак. Не помогло даже оперативное вмешательство. Ян Забрана скончался в больнице 3-го сентября 1984 года, так и не дождавшись демократических перемен. Перед смертью он успел закончить перевод рассказов Ивана Бунина «Темные аллеи». Похоронен Ян Забрана на семейном кладбище в чешском городе Подебрады.

1.1.2. Основные произведения

Сфера профессиональной литературной деятельности Яна Забраны была очень широка. Выше уже было отмечено, что он известен, в первую очередь, как переводчик художественных текстов с английского и русского языков. Однако, помимо переводов, Ян Забрана занимался еще и издательским делом, а также писал свои собственные тексты. Именно на его поэтических и прозаических

произведениях мы остановимся подробнее, поскольку они являются истоками авторского стиля Яна Забраны.

Ян увлекся писательством, будучи еще ребенком. Когда ему было 10 лет, он набрал на печатной машинке свою первую пробу пера — три «романа с Дикого Запада» [34:1]. В 14 лет Ян уже публиковался в школьном журнале. Среди напечатанных произведений были стихи, эссе, статьи, переводы. Когда Яну Забране исполнилось 25 лет, на его счету было столько стихотворений, что их хватило бы на несколько сборников. В реальности же с изданием первой книги поэт был вынужден повременить более десяти лет, поскольку на тот момент его произведения могли распространяться исключительно «самиздатом».

Первой публикации дождалась детективная трилогия, написанная им в соавторстве с Йозефом Шкворецким. В 1962 г. вышла первая ее книга „Vražda pro štěstí“ («Убийство на счастье» — пер. наш) о расследовании убийства редактора вымышленного литературного журнала во времена т. н. Первой Чехословацкой республики. В 1964 г. читателей ждало продолжение под названием „Vražda se zárukou“ («Убийство с гарантией» — пер. наш) о расследовании убийства, совершенного в пригородной вилле во времена т. н. Второй Чехословацкой республики. И, наконец, в 1967 г. была издана третья, завершающая трилогию книга „Vražda v zastoupení“ («Убийство в чужом лице» — пер. наш) о расследовании убийства шеф-редактора коллаборационистского ежедневника во времена протектората.

В 1965 году было напечатано еще одно совместное произведение двух друзей — книга рассказов для детей „Táňa a dva pistolníci“ («Таня и два ковбоя» — пер. наш) о приключениях двух чешских деревенских мальчишек и русской девочки Тани, которая приехала в Чехословакию из СССР вместе со своими родителями, но удивительным образом потерялась.

В этом же году был наконец опубликован первый поэтический сборник Яна Забраны „Utkvělé černé ikony“ («Навязчивые черные иконы» — пер. наш). Вошедшие в него произведения датируются преимущественно 1953—1956 гг., что объясняет присутствие в них горечи и пессимизма. Стихи отличались практически полным отсутствием рифмы, богатым языком, яркими нестандартными сочетаниями слов. Позднее, в 1968 г. свет увидели еще два поэтических сборника, ядром которых также стали произведения, написанные

преимущественно в 1953—1956 гг., — книга сонетов „Stránky z deníku“ («Страницы из дневника» — пер. наш) и книга свободных стихов „Lynč“ («Линчевание» — пер. наш). Первая из них полна ностальгии по уходящему времени и событиям в нем, а также по тому, что ввиду сложившихся обстоятельств никогда не произошло. Для второй типичны мотивы несвободы, неуверенности, неоднозначности. Примечательно, что даже в поэзии Ян Забрана придавал большое значение синтаксису, пунктуации и графике. При написании стихов он активно пользовался парцелляцией, вводными конструкциями, многоточиями, курсивом и т. д. Те же приемы прослеживаются и в его дневниковых записях.

Ян Забрана сопровождал многие свои переводы дополнительным текстом, часто в форме эссе. Помимо этого, им было написано много авторских портретов, примечаний, комментариев, предисловий и послесловий к различным антологиям, в составлении которых он участвовал. Избранные тексты в 1989 году вошли в посмертно изданный сборник „Potkat básníka“ («Встретить поэта» — пер. наш) с подзаголовком „Eseje a úvahy“ («Эссе и размышления» — пер. наш). Книга имеет три раздела, из которых первый посвящен советской литературе, как классической, так и послевоенной, второй содержит статьи об англо-американской литературе, а третий — размышления общего характера на тему переводческой деятельности и переводов.

Когда осенью 1984 года Ян Забрана ушел из жизни, о существовании огромного количества ранее никогда не опубликованных авторских текстов знали лишь несколько человек, с которыми он был наиболее близок. Благодаря Иржи Травничеку в 1991 году свет увидела часть поэзии Яна Забраны, которая вошла в сборник избранных стихов „Jistota nejhoršího“ («Уверенность в худшем» — пер. наш). Составитель сопроводил впервые публикуемые стихи и поэтические фрагменты отрывками из других авторских текстов. В послесловии „Slovo svírané dějinami“ («Сдавливается историей слово» — пер. наш) Иржи Травничек описал, как изменялась поэтика стихов Яна Забраны и как рождались отдельные поэтические сборники. В 1992 году был опубликован фрагмент незаконченного поэтического цикла „Zed' vzpomínek“ («Стена воспоминаний» — пер. наш). Издание в этот раз также было инициировано Иржи Травничеком. Редактор

сохранил аутентичный вид произведения, включив все сделанные автором вставки, пометки, и даже оставив имеющиеся в тексте опечатки [1 : 1105].

В 1993 году посмертно вышла книга под названием „Básně“ («Стихи» — пер. наш), в которую вошли новые версии стихов из поэтических сборников Яна Забраны, изданных еще при его жизни. А в 2007 году, спустя 10 лет, посмертно вышел еще один сборник поэзии совсем молодого Яна Забраны „Nápěvy“ («Напевы» — пер. наш).

В 1993 году также дождался издания сборник рассказов „Sedm povídek“ («Семь рассказов» — пер. наш), написанных в 1954—1957 гг. В связи с обнаружением новых рукописей в 2012 году, спустя практически 20 лет, книга была переиздана под названием „Povídky“ («Рассказы» — пер. наш). Дополненное издание содержит пять никогда ранее не опубликованных текстов, которые еще раз подтверждают многогранность писательского таланта Яна Забраны. Рассказы своей поэтикой напоминают запечатленные на бумаге «снимки» реальной жизни молодых ребят, работающих на фабриках и заводах. Так восхваляемая пропагандой работа на благо родины была для многих из них непосильным изнурительным трудом, убивающим любые мечты, разрушающим любые надежды. В сопроводительной статье Ян Шульц подробно описал происхождение отдельных рассказов, которые, на его взгляд, обладают рядом общих черт: 1) автобиографичность; 2) использование разговорного чешского языка, коротких фраз; 3) можно воспринимать как часть дневников Яна Забраны [48 : 325—326]. Ян Забрана действительно активно использует в рассказах прямую речь, наполняя ее разговорными, а местами и просторечными выражениями. Такие же «вкрапления» разговорного языка можно наблюдать и в дневниках Яна Забраны. Однако в данном сборнике слышны голоса не только рабочих, присутствует здесь и детская речь со всей ее нелогичностью, а также полная нежности речь влюбленных. Еще одной особенностью художественной прозы Яна Забраны, которая найдет свое отражение и в его дневниках, является сарказм и своеобразный цинизм, которые зачастую являются не частью художественного замысла автора, но следствием его положения в т. н. «социальном пространстве» (согласно терминологии Пьера Бурдьё).

1.1.3. Связь между позицией автора и его позицией в «социальном пространстве»

В ряде поэтических и прозаических произведений Яна Забраны четко прослеживается его авторская позиция циничного, саркастичного «аутсайдера». Это термин, который использовала супруга литератора Мария Забранова, отвечая в одном из интервью на вопрос об отношении мужа к событиям Пражской весны и ее активистам: „*Když se z nich stali pak také outsiders, Zábřana se nad jimi nijak nedojímal. On byl outsider od začátku. A zůstal jim.*“ [46].

Учитывая историю жизни Яна Забраны, можно говорить о том, что «аутсайдером» его сделал коммунистический режим, который установился в Чехословакии с февраля 1948 года. Из 17-летнего подростка Ян Забрана не по своей воле стал носителем непросительной обиды за преступления этого режима, совершенные не только непосредственно в отношении его родителей, но, по сути, против всего поколения его сверстников, которые так же, как и он, лишились возможности строить свое будущее. Чем взрослее он становился, тем сильнее в нем укреплялось циничное и саркастичное отношение к советской действительности. По всей видимости, без них человеку, отказавшемуся шагнуть в ногу с «товарищами» к «светлому будущему» было не выжить. Но вместо того, чтобы вступать с режимом в открытую конфронтацию (как это делали диссиденты), Ян Забрана предпочел существовать параллельно с ним, потому как уже сам контакт с его представителями означал для него признание режима: „*Pustit se s nimi do diskuse (třeba jim jen spílat — to nic na věci nemění) znamená je uznat. Jediné východisko svobodného: neodpídat na otázky, na jejich otázky, jediná možnost existence: neexistovat proti moci, ale vedle ní, paralelně s ní.*“ [1 : 189].

Такое существование Яны Забраны в коммунистической Чехословакии и в то же время отдельно от нее Анна Росова в своей дипломной работе назвала «внутренней эмиграцией»: „*Vnitřní emigrace jako životní postoj, který jediný umožňuje přežít v totalitním státě plném příkazů a zákazů, špehů, falše a šedi. Vnitřní emigrace jako způsob zachování vlastní důstojnosti v nedůstojných podmínkách. Vnitřní emigrace jako jediná možnost být básníkem.*“ [41 : 8]. Будучи несогласным с советской идеологией и проводимой властью политикой, Ян Забрана, в отличие от других деятелей искусства, не испытывал желания публично выразить свое несогласие. Причин тому было несколько. Об одной из них мы уже упомянули — сильнейшее чувство отвращения к системе и, как следствие, нежелание как-либо с ней соприкоснуться. Другая причина была связана с чувством ответственности за свою

семью, в частности, дочь. Она об этом напишет в одной из своих мемуарных зарисовок, которые впоследствии войдут в книгу „Flashky“ («Флешки»): *„Myslím, že táta nakonec Havlovi nebo někomu jinému vzkáže, že nám rodinná bilance pětadvaceti let kriminálů stačila a že je rád, že ho nechávají dýchat a něco dělat. My se nemáme kam zašít na chalupu, nemáme příbuzné, kteří nás budou podporovat. Já si tohle prostě nemůžu dovolit a nedopadnu jako ti dva blbci, abych tě tady nechal samotnou.“* [50 : 59].

Таким образом, Ян Забрана отказался от официальной «публичной» жизни, а вместе с ней частично и от «непубличной» (в СССР одной из ее форм были т. н. «кухни» — домашние разговоры шепотом на запрещенные темы с членами семьи и самыми близкими друзьями). Его супруга Мария Забранова говорит о том, что многое он держал в себе, не доверяясь полностью ни ей, ни близким друзьям: *„(...) on se nesvěřoval. Prostě byl schopen držet tajemství. Já jsem třeba nevěděla, že spolupracoval na překladu Solženicynova Souostroví Gulag. To jsem se dozvěděla až po jeho smrti. Byl schopen mlčet.“* [46].

Дочь Эва в книге воспоминаний об отце пишет, что тот жил в «своем мире»: *„Nerozumím, že může ty noviny na začátku dne všechny dychtivě přečíst a každý den se z toho neposrat a nepoblít — a pak jít dělat, přepnout, vypnout a odejít do svého světa.“* [50 : 94]. Плодом такой жизни Яна Забраны стали его дневники.

1.2. „Celý život“ («Вся жизнь»)

Когда в 1992 году из печати вышли два тома книги „Celý život“ («Вся жизнь» — пер. наш), содержащие дневниковые записи Яна Забраны с апреля 1948 по июль 1984 год, то многие посчитали случившееся литературным событием года [34 : 5]. Чешский журналист Йиржи Пеняс назвал данное издание *“přelomovou knihou české literatury”* [46]. О том, что Ян Забрана вел дневники, никто из близких не знал. Его супруга Мария Забранова в интервью рассказала, что литератор сообщил ей о существовании дневников всего только за пару недель до своей смерти: *„Informaci o tom, že deníky existují, jsem dostala 14 dní před jeho smrtí. To mi to řekl a dal mi instrukci, co s tím. Já jsem skutečně nevěděla, že něco takového vzniká. On si samozřejmě stále něco psal. Seděli jsme u večere a on si třeba odběhl napsat něco do pokoje. Na stole měl stále na stojanu rozevřenou knihu, kterou překládal, a pod ní psací stroj a hromadu papírů s verzemi. To, že něco píše, byl jeho nejpřirozenější způsob existence.“* [46]. В том же интервью Мария Забранова уточняет, что муж ей назвал несколько фамилий людей, которые могли бы заняться подготовкой дневников к печати, не дав четких указаний касательно отбора текстов: *„Pouze vyslovil několik jmen lidí, kteří by se mohli přípravy ujmout: Vladimír Justl, Dušan Karpatský, Antonín Přidal, Miroslav Žilina... Z toho je zřejmé, že počítal s editorským a redakčním vstupem do textu. Jinak by mi stačilo říct, ať dám sešity opsat a do tisku.“* [46].

1.2.1. История издания

Двухтомное издание „Celý život“ («Вся жизнь») было задумано как завершающий аккорд к посмертно опубликованным на тот момент книгам, содержащим авторские тексты Яна Забраны („Jistota nejhoršího“ («Уверенность в худшем»), „Zed' vzpomínek“ («Стена воспоминаний»), „Potkat básníka“ («Встретить поэта»)). Когда у чешского издательства «Торст» появилась возможность издать третью книгу авторских текстов Яна Забраны, то перед издателями встал вопрос, что и в каком виде публиковать. Ян Шульц в примечании к изданию пишет, что вариантов на тот момент было два: позволить увидеть свет части ранее не опубликованных текстов в их аутентичном виде, следуя принципам составителя изданий „Jistota nejhoršího“ («Уверенность в худшем») и „Zed' vzpomínek“ («Стена воспоминаний») Иржи Травничека, либо представить вниманию читателей сборник избранных произведений, отражающий 37-летний творческий путь Яна

Забраны как литератора [1 : 1105]. В итоге, издатели остановились на втором варианте.

Ввиду ограниченных финансовых возможностей из дневников 1948—1949 годов, *Disiecta membra* и больничных записей в книгу попали всего две трети текстов. В случае остальных разделов составители также были вынуждены включить в издание лишь самые важные тексты данного периода, отказавшись от принципа целостности. В первую очередь, были опущены повторяющиеся отрывки, а также пространные выдержки из иноязычных книг [1 : 1106—1107].

Как уже было отмечено, издание „*Celý život*“ («*Вся жизнь*») состоит из двух томов, а те, в свою очередь, разделены на семь разделов. В первый раздел вошли избранные дневниковые записи, которые Ян Забрана вел в 1948—1949 годах. Во второй раздел были вынесены статьи, написанные молодым Яном Забраной в 1947—1949 годах. Некоторые из них публиковались во времена его учебы в гимназическом журнале. Третий раздел состоит из записей с первой половины 50-х лет, сделанных Яном Забраной после переезда в Прагу. Определить точную хронологию их возникновения было весьма проблематично, поэтому данный раздел является попыткой временной реконструкции. Четвертый раздел содержит дневниковые записи с 1966 года без более точной датировки. Пятый раздел представлен двумя текстами, опубликованными в 1967—1969 годах. В шестой раздел вошли избранные дневниковые записи с 1970—1984 годов из т. н. «синих тетрадей», которым Ян Забрана дал название *Disiecta membra*. И, наконец, седьмой раздел вместил в себя тексты, написанные автором в пражских больницах в последний год его жизни.

Мария Забранова уточнила, что с издательской точки зрения готовить к печати дневники было значительно проще, чем другие авторские рукописи, поскольку, в отличие от последних, они представляли собой окончательный вариант текста: „*Deník byl z hlediska autorské přípravy nejčistší. Zábrana si léta každou epizodu či postřeh zapisoval třeba do zápisníku, který si nosil s sebou. Doma to rozvedl, potom se k tomu vracel a texty různě komponoval. Když je však zapisoval do oněch „modrých sešitů“, tak tam už byl text definitivní, tam už nic neškrtl a nepřepisoval.*“ [46].

Ян Шульц в примечании к изданию обосновал выбор названия двумя причинами. Во-первых, выражение «вся жизнь» как нельзя лучше отражает характер книги — в нее вошли дневниковые записи, которые Ян Забрана вел на

протяжении 37 лет. Во-вторых, именно такими словами начинается и заканчивается его ключевое поэтическое произведение „Навган“ («Ворон» — пер. наш) [1 : 1107].

1.2.2. Жанровая принадлежность

В издание „Celý život“ («Вся жизнь») вошли как лирические тексты, так и эпические, при этом все они отличаются по форме и жанровому содержанию (тематика, проблематика, масштаб охвата изображаемой реальности). Таким образом, можно говорить об определенной гетерогенности всего собрания, которая, однако, вовсе не означает жанровую гибридность вошедших в него произведений. Большинство текстов однозначно представляет собой пример мемуарной дневниковой литературы.

1.2.2.1. Понятие мемуарной литературы, ее классификация и особенности

В литературной энциклопедии мемуарная литература (от фр. *mémoire* — память) определена как «*произведения письменности, закрепляющие в той или иной форме воспоминания их авторов о прошлом*» [58 : 131]. Мемуарная литература имеет ряд общих черт с художественной литературой и порою способна синтезировать в себе типичные для последней жанры (например, семейная хроника, различные виды исторической беллетристики). Некоторые энциклопедии относят мемуарную литературу к разновидности «*исповедальной прозы*» [59].

Отличительной особенностью мемуарной литературы является стремление к максимально точному воспроизведению определенного фрагмента действительности, а также преимущественно познавательная функция [58]. Отдельного внимания заслуживает вопрос достоверности мемуарной литературы. Например, Н. Бельчиков считает, что документальная форма повествования не может служить гарантией его правдивости [58 : 138]. Следует также подчеркнуть, что, в отличие от художественной литературы, мемуарная по определению не может носить вневременной характер, поскольку всегда определена конкретными историческими и социальными условиями. Вместе с тем одно и то же явление (лицо, событие) может передаваться различными авторами по-своему. Последнее обусловлено тем, что в мемуарной литературе находит широкое отражение авторское сознание.

Мемуарная литература имеет богатую шкалу жанров, которые зачастую переплетаются между собой. Примарной формой мемуарной литературы считается дневник — ежедневные или периодические записи автора, излагающие события его личной жизни, как правило, на фоне событий современной ему действительности [58]. Дневниковые записи объединены не общей событийной линией, а личностью автора, системой его воззрений и ценностей. В чешской энциклопедии литературных жанров приведены три основных типа дневников с точки зрения степени стилизации:

- 1) собственно дневник / автохтонный дневник, который представляет собой интимное повествование автора, не предназначавшиеся изначально для опубликования;
- 2) открытый дневник, который, наоборот, с самого начала предназначен для опубликования, часто носит ярко публицистический характер и акцентирует внимание читателя на общественной и политической проблематике;
- 3) фиктивный дневник, принадлежащий вымышленному автору [65].

В качестве вторичного жанра мемуарной литературы принято выделять воспоминания и записки. Произведения, относящиеся к этому жанру, отличает определенная идейная концепция. В них меньше несущественного и случайного, т. к. автор имеет возможность оценить прошлое с перспективы настоящего и отсеять лишнее.

Третьей распространенной формой мемуарной литературы является автобиография. От воспоминаний и записок она отличается меньшим объемом и фокусированием не на действительности вообще, а на конкретной личности. В качестве разновидностей автобиографии называют исповедь (акцент на переломных моментах в жизни и творчестве автора), биографические воспоминания (акцент на личностях, с которыми автор был в прошлом связан). К мемуарной литературе также относятся некрологи — воспоминания о близком человеке в связи с его кончиной.

1.2.2.2. Особенности дневниковой формы литературы

Как и любой жанр, дневник обладает своим ансамблем функций. В.К. Харченко различает аутопознавательную (самопознание и самопрезентация), летописную (кладезь фактов истории) и резервативную (оставить на запас,

записать, чтобы не забыть), стилепоисковую функции (мастерская стиля) [31 : 50].

Литературоведы сходятся во мнениях, что одним из самых важных факторов, формирующих жанр дневника, выступает адресат. Если рассмотреть коммуникативную ситуацию дневника, то, безусловно, непосредственным адресатом является сам автор. Как говорит Ю.М. Лотман, *«(...) в целом ряде других случаев мы имеем передачу сообщения от “Я” к “Я”. Это все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которое без записи не происходит»* [18 : 164]. Однако, кроме основного адресата в лице самого автора, зачастую имеется еще косвенный адресат — потенциальный читатель (близкие люди, потомки, общественность и т. д.). К. Кобрин на эту тему пишет: *«(...) все ли авторы дневников надеются, что их прочтут после смерти? Ответить сложно; в любом случае, многие дневники мы прочли, и ни один из них, кажется, не был предназначен для собственного употребления (...) Дело в том, что бессознательно, если он хочет потом сам читать собственный дневник, то не может не представить на своем месте другого, хотя бы на мгновение»* [15 : 291].

Дневниковые тексты обладают рядом специфических черт, среди которых темпоральность, дискретность, фрагментарность, сочетающаяся с протяженностью, незавершенность, романность, пластичность текста. Темпоральность предполагает привязку текста ко времени. Как правило, дневниковые записи бывают маркированы датой, а иногда даже местом. Дискретность дневников выражается в их прерывистости — автор дневника может, по сути, в любой момент прервать и продолжить запись. Дневники состоят из отдельных записей, поэтому им присуща фрагментарность. Примечательно, что последняя может сосуществовать с протяженностью. Дневниковый текст не обладает смысловой завершенностью, т. к. в нем отсутствует традиционная концовка, финал. Поскольку дневники обладают чертами, присущими роману (наличие персонажей и повествовательных линий, элементы художественности), принято говорить о романности дневникового жанра. Пластичность текста сопряжена с возможностью передачи мысли в различных жанровых и стилистических регистрах.

Согласно В.К. Харченко, дневник как жанр взаимодействует с другими жанрами (записки, мемуары, очерки, романы, эссе) и дискурсами (публицистическим, художественным), следствием чего может наблюдаться размытие жанровых границ [31 : 52]. О жанровой пластичности дневниковых записей упоминается в чехословацком словаре литературной теории: „*blíží se krátké poznámce (úryvku), rozsáhlejšímu esejistickému pojednání, úvaze atd., mohou mít i podobu strohé glosy.*“ [69 : 70]. Очень часто некоторые записи в дневниках напоминают законченные эссе (особенно в случае дневников писателей, поэтов и людей, имеющих писательские способности). Как и дневники, эссе инкорпорируют в себе свойства других жанров, это «жанр, имеющий непосредственную близость с научной, публицистической и художественной литературой, однако не относящийся целиком ни к одной из них» [19]. Задачей любого эссе является формулировка частной проблемы и описание своих «индивидуальных впечатлений и соображений, так или иначе с нею связанных» [55].

1.2.2.3. Характерные черты отдельных разделов с учетом жанра

В случае дневниковых записей Яна Забраны, вошедших в книгу „*Celý život*“ («Вся жизнь»), доминирующими, безусловно, выступают летописная и резервативная функции. Но, поскольку речь идет о литераторе и переводчике, нельзя не упомянуть и о стилепроисковой функции — дневники были для их автора и своеобразной мастерской стиля. При этом не все разделы книги однородны с точки зрения особенностей содержания и формы дневниковых записей.

Первый раздел книги (дневниковые записи с 1948—1949 годов) наиболее соответствует классической модели дневника. В данном случае речь идет об автохтонном дневнике, т. е. не предназначенном изначально для опубликования. Все записи в данном разделе датированы. Будучи в то время 17-летним гимназистом, Ян Забрана практически ежедневно записывал события, касающиеся как его обыденной жизни (речь идет, главным образом, о собственных впечатлениях и переживаниях, школьных обязанностях, первых контактах с девушками и т. п.), так и непосредственно литературы, что свидетельствуют о большом увлечении этим видом искусства.

В третьем и четвертом разделах точная датировка часто отсутствует, а вместе с ней и привязка к реальному времени. Значительно усилена фрагментарность в пределах отдельных дневниковых записей. Границы внутренних переживаний автора перестают быть отчетливыми, а где-то и вовсе размываются, что, в свою очередь, приводит к стиранию границ прошлого, настоящего и будущего. Можно утверждать, что в некоторых пассажах господствует безвременье. Для описания такого явления в литературном творчестве Яна Забраны итальянская исследовательница Анналиса Консентино использует понятие «ментальной дислокации» [с конференции, посвященной Яну Забране, которая прошла в Праге 6—7 ноября 2015 г.].

1.3. Анализ исходного текста (т.е. выбранных отрывков для перевода)

1.3.1. Выбор отрывков для перевода

Двухтомное издание „Celý život“ («Вся жизнь») является, безусловно, достоянием чешской дневниковой литературы. Вместе с тем данное собрание представляет собой и общезначимый факт, поскольку дает яркое и довольно подробное представление о коммунистической Чехословакии 1948—1984 годов. Мы посчитали удачной идею представить русскоязычному читателю документальную сторону дневников Яна Забраны. Причин для этого было несколько. Во-первых, темы, затрагиваемые в дневниках Яна Забраны не чужды представителям принимающей культуры ввиду общего советского прошлого. Во-вторых, описываемые Яном Забраной проявления советской действительности всё чаще можно снова наблюдать на территории стран СНГ, поэтому аутентичные дневниковые записи человека, пострадавшего от коммунистического режима, но ни разу до конца жизни не примирившегося с ним, могут помочь избавиться от ностальгии по советскому времени и послужить своеобразным стимулом для оказания противодействия тенденциям централизации и советизации, которые в последнее время прослеживаются на постсоветском пространстве.

При выборе отрывков для перевода мы руководствовались, главным образом, тематической направленностью отдельных дневниковых записей и их характером. Исходя из написанного выше, основной интерес для нас представляли те отрывки, в которых Ян Забрана описывает советскую эпоху либо комментирует ее проявления. При этом мы постарались минимизировать количество отрывков, носящих сугубо личный характер. Полностью исключить такого рода фрагменты не представлялось возможным, поскольку описание советской реальности в дневниковых записях Яна Забраны зачастую переплетено с фактами его личной жизни. Что касается расположения отобранных отрывков, то мы прибегли к хронологическому принципу, который нам показался наиболее логичным, поскольку мы имеем дело с мемуарной литературой. У всех отрывков указан раздел и дата (при условии наличия в оригинале).

1.3.2. Экстралингвистические факторы

При переводческом анализе исходного текста мы руководствовались классификацией Кристианы Норд, которая разграничивает экстралингвистические и интралингвистические факторы [36]. Поскольку мы

имеем дело с отобранными отрывками из издания, которое также не является аутентичным в полном смысле этого слова, то мы вынуждены анализировать исходный текст в двух плоскостях — с точки зрения авторства и составительства.

Производителем исходного текста является как автор, так и в определенной степени составитель, при этом оба преследовали различные цели. М.В. Архипова на основании анализа литературы, посвященной дневниковым текстам, а также опубликованных личных дневников составила перечень мотивов ведения дневника: *«потребность в реализации литературных способностей; потребность „зафиксировать ускользающую жизнь“ вследствие осознания важности исторического момента или момента в жизни человека (например, детство своего ребенка); необходимость осмысления (рефлексия) своей жизни на поворотном этапе или в ситуации психологического кризиса; освобождение от эмоциональных переживаний, желание „излить душу“; желание оставить своим потомкам „послание о себе“; назидание потомкам, урок нравственности; желание спастись от забвения; вынужденное времяпрепровождение; собственный научный или профессиональный интерес; потребность в самовыражении, самореализации; по чьему-либо заданию, например, исследователя, консультанта или терапевта; желание учитывать текущие дела, события; техника самоанализа, ведущая к самосовершенствованию; желание сохранить и передать „правду из первых рук“ о своем внутреннем состоянии или о внешних событиях; потребность в собеседнике, в диалоге; потребность объяснить с другими людьми в ситуации невозможности сделать это лично — открыть свой внутренний мир, свои переживания (может быть оправданием, исповедью или назиданием); полнота мироощущения, требующая воплощения, овеществления [3 : 197—198].* В своей статье на тему практики ведения личного дневника она подчеркивает, что часто речь идет не об одном мотиве, а о целой группе, причем в случае дневников, которые ведутся на протяжении длительного периода времени, в разные этапы жизни могут превалировать те или иные мотивы [3 : 198]. Это касается и дневниковых записей Яна Забраны. С его слов, изначально к ведению дневника его подтолкнула автобиография Монтгомери, в которой он прочитал о том, что маршал вел дневники. В качестве возможных причин Ян Забрана называет также любовь к однокласснице, когда *„všesko volalo po nějakém vyslovení“* [1 : 77], и желание лучше структурировать собственную жизнь: *„Nejednou jsem si uvědomoval,*

že mi minulost splývá, že nedovedu oddělovat jednotlivé věci; i měl deník sloužit k čistému a přesnému zapsání toho všeho, co kdy bylo“ [1 : 77]. Таким образом, помимо мотива освобождения от эмоциональных переживаний, желания «излить душу», имела место и потребность «зафиксировать ускользающую жизнь» путем отбора и систематизации важных фактов и сведений. После февраля 1948 года судьба преподносит молодому Яну Забране серьезные испытания (арест и осуждение родителей, исключение из университета по политическим причинам, конфискация имущества и т. д.), которые, безусловно, не могли не усилить саморефлективные процессы. Это нашло свое отражение в дневниках. На первое место постепенно выступает желание сохранить и передать «правду из первых рук» о своем внутреннем состоянии, а также о внешних событиях, которые являются первопричиной этого состояния (приход к власти коммунистов в феврале 1948 года, ввод войск в Чехословакию в 1968 году и др.).

Никто из близких не знал, что Ян Забрана вел дневники. Таким образом, адресатом текста изначально был сам автор, который обращался в первую очередь к самому себе, к своему «я». Однако учитывая тот факт, что незадолго до своей смерти Ян Забрана всё же раскрыл тайну существования дневников, можно смело утверждать о существовании и т. н. косвенного адресата. В пользу этого говорит и наличие в некоторых дневниковых записях обращений.

Если рассматривать исходный текст в плоскости неавторской, а издательской, то, безусловно, как составители книги „Celý život“ («Вся жизнь»), так и мы при отборе отрывков ориентировались на конкретного потенциального читателя, которым в данном случае может быть человек с высшим образованием в определенной области и владеющий чешским языком (филолог, славист, богемист, литератор, переводчик и, как вариант, журналист, культуролог, социолог, историк) либо любой взрослый носитель чешского языка, независимо от пола, который интересуется коммунистической эпохой и ищет для себя аутентичное свидетельство того времени. Учитывая, что исходный текст представляет собой отрывки из не критического издания, т. е. не содержит соответствующих пояснений и комментариев, в случае второй группы потенциальных читателей важным условием является наличие у них определенных фоновых знаний.

В рамках функционального анализа исходного текста согласно модели Р.О. Якобсона на первый план выступают референтивная (или коммуникативная) и эмотивная (или экспрессивная) функции. Маркерами наличия референтивной функции служат также присутствующие в исходном тексте аллюзии, цитаты. В пользу наличия эмотивной функции говорит окрашенность высказываний в определенную тональность и использование экспрессивных элементов (риторических фигур, фигур речи, различных стилистических приемов). Мало присутствует конативная функция (или функция усвоения), которая ориентирована на получателя речевого сообщения и выражается, главным образом в повелительном наклонении, формах побуждения, привлечении внимания и обращениях, но кое-где ее всё же можно проследить:

„Vážení, v téhle zemi se před necelými 15 lety spisovatelé popravovali, popravovaly se tu ženské. Pamatovat si to nemusíte, ale z hlediska tohoto faktu odmítám přistoupit na každou hru, která je laciná.“ [0 : 189]

или

„Chybělo vám v téhle kampani vědomí mrtvých, vašich mrtvých, které mají na svědomí oni.“ [0 : 189]

или

„Byly to zbytky nákladů? Možná.“ [0 : 344]

или

„A za to si dělají nárok na to, aby je někdo bral vážně? Aby je někdo pokládal za básníky, za spisovatele?“ [0 : 918]

Фатическая функция, при помощи которой проверяется наличие связи с реципиентом и качество работы канала, не четко выражена ввиду специфики дневникового жанра. Особого внимания заслуживает поэтическая функция. В некоторых отрывках дневниковых записей прослеживается фокусирование авторского внимания на сообщении как таковом.

С точки зрения жанра исходный текст выполняет преимущественно аутопознавательную, летописную и резервативную функции. Не включив при отборе отрывки из дневников Яна Забраны, непосредственно сопряженные с его

поэтической и переводческой деятельностью, мы в значительной степени редуцировали стилеобразующую функцию итогового текста.

1.3.3. Интралингвистические факторы

К интралингвистическим факторам, согласно К. Норд, относятся вопросы:

- 1) тематика текста (совокупность, круг разрабатываемых автором тем, тематическая направленность текста);
- 2) содержание текста (то, что повествуется, изображается, суть изложения);
- 3) строение текста (соразмерность частей в едином целом, их последовательность и взаимосвязь, вопросы когезии, когерентности);
- 4) невербальные элементы в тексте;
- 5) тон;
- 6) лексика (использованные слова);
- 7) синтаксис (предложения) [36].

Остановимся подробнее на каждом их перечисленных факторов.

1.3.3.1 Тематика и содержание

Объединяющей темой, которую можно назвать «рефреном» всех дневниковых записей Яна Забраны, является советская действительность. Однако в рамках нее можно выделить очень широкий круг подтем, которые автор затрагивает.

Несмотря на то, что из отобранных нами для перевода отрывков лишь один датирован 1948-м годом, Ян Забрана не однократно возвращается к теме 50-х годов в своих позднейших записях. К тому, как к власти в Чехословакии пришли коммунисты. Перед выборами в Законодательное национальное собрание, которые должны были состояться в 1946 году, они организовали кампанию под лозунгом *«Больше труда республике — вот наша агитация»*, что, как утверждает В. Марьина, *«не могло не повлиять на позиции избирателей, большая часть которых испытывала значительные трудности послевоенных лет»*, в результате чего они получили на выборах больше всех голосов — 43,25 % [21 : 46]. Режим «народной демократии», просуществовавший с 1945 по 1948 год, был сменен в ходе февральского переворота 1948 года («победоносного Февраля», как его называли коммунисты), в результате которого Коммунистическая партия Чехословакии стала доминирующей по отношению к остальным. Далее

последовали политические чистки, жертвами которых стали в т. ч. родители Яна Забраны, являвшиеся на тот момент членами Чехословацкой национал-социалистической партии. В дневниках он называет этот период самым лютым. Кульминацией репрессий станут показательные процессы с Миладой Гораковой и Рудольфом Сланским. Ян Забрана не перестанет думать о них и писать в своих дневниках даже спустя 20 лет.

Отдельную линию в повествовании занимает 1968 год и связанные с ним события Пражской весны, хотя, как известно, Ян Забрана не воспринял политическую и культурную либерализацию в Чехословакии. Со слов его супруги Марии Забрановой, программа Пражской весны была ему чуждой: „*On říkal, že jejich program není jeho programem. On nemusel nic měnit, natož se obrozovat.*“ [46].

Ян Забрана часто рассуждает в своих дневниках о таких проявлениях советской действительности, как цензура, запреты, обыски, идеология с ее абсурдными лозунгами и т. д. Иногда он пытается сравнить их с предыдущими историческими периодами, например, гејдрихиадой, и приходит к выводу, что немецкая оккупация была куда менее страшной, чем жизнь при коммунизме.

Помимо важных моментов общественно-политического развития Чехословакии, Ян Забрана поднимает также тему холодной войны между капиталистическим и социалистическим блоками, и делает свои прогнозы на этот счет. Ни раз в его записях фигурирует имя У. Черчилля.

И, конечно же, много внимания в дневниках уделено литературе, как чешской (Ф.К. Шальда, В. Эффенбергер, В. Ренч, Б. Ржига, Й. Тауфер, Й. Топол, З. Урбанек, Ф. Шрамек, Ф. Пероутка и др.), так и всемирной (Г. Банг, Ф. Мориак, У. Сароян, Г. Владимов, В. Войнович, А. Платонов, И. Бродский, Ч. Диккенс, Дж. Джойс, Дж. Фрэзер и др.). Причем последняя зачастую присутствует в виде аллюзий. Например, здесь Ян Забрана неявно отсылает к Дж. Оруэллу:

„A tak žijeme čím dál víc a čím dál beznadějněji v králíkárně diktatury, ti ostatní už večer nevědí, že v poledne jednoho z nich někam odnesli, že jim dva dny zapomněli dát nažrat — a lidský život se promění ve smířené vegetování králíků, slepic, prasat. V Hovadín. Ve Farmu zvířat.“ [0 : 1034]

1.3.3.2. Архитектоника текста

В архитектонике исходного текста отсутствует разделение на два тома, поскольку речь идет об избранных отрывках из издания „Celý život“ («Вся жизнь»). Тем не менее, были сохранены названия разделов, которые отсылают читателя к первоисточнику. Внешняя структура записей соответствует типичной для дневников. Практически все выбранные отрывки имеют точную датировку, за исключением записи, сделанной Яном Забраной в 1966 году. Что касается размера отдельных дневниковых записей, то он варьируется от одного предложения до нескольких страниц.

Когезия, т.е. структурная связность, в рамках отдельных записей создается при помощи различных языковых средств — союзов, повторов, слов-заместителей, согласования временных форм и т.д. Когерентность, т.е. содержательная связность, достигается благодаря хронологическому размещению дневниковых записей в порядке их возникновения, а также за счет тематического и смыслового единства. Текст воспринимается как цельный, несмотря на то, что в нем отсутствует привычная для других жанров композиция (завязка—развитие—кульминация—развязка).

Невербальные элементы представлены средствами графической образности на уровне шрифта (курсив, жирный шрифт), а также типографской пунктуацией (обилие тире, двоеточий, многоточий) и различными приемами типографского оформления (знак равенства, вынесение словосочетания в заголовок, написание некоторых слов строчными буквами).

1.3.3.3. Стилистическая характеристика

В дневниковых записях прослеживаются черты разговорного, художественного и публицистического стилей. Отрывки, в которых преобладает выразительная лексика, слова с оценочными суффиксами, вульгаризмы, вводные слова и конструкции, междометия, модальные частицы, имеют место неполные предложения и повторы, тяготеют, скорее, к разговорному стилю. Здесь также следует отметить, что разговорный стиль во многом обусловлен построением текста по принципу т.н. автокоммуникации, предполагающей замкнутость на одном субъекте, который выступает создателем и получателем сообщения. Иными словами, коммуникация реализуется в типичной для дневников структуре «Я-Я».

Наличие общественно-политической лексики, оценочность высказываний, образность, скрытая призывность позволяют отнести некоторые пассажи текста к публицистическому стилю. Характерной его чертой также выступает наличие цитат, которые в немалом количестве фигурировали в анализируемых нами отрывках. Некоторые из них были даны со ссылкой на автора текста, среди которых, например, В. Шкловский, Ф. Кафка, Ф. Фрëлих, Й. Шкворецкий и др., некоторые — просто взяты в кавычки, но конкретный источник при этом не указывался. В ряде случаев речь шла о цитировании чиновников. Например:

„Po tomto prvním obvinění, že redakce „neuhlídala zakázané jméno“, dnes přišlo další odůvodnění, že prý „celá úvodní stat' je popřením Února“ — argument, proti němuž není diskuse.“ [0 : 567]

или

„Motto prý je jednak pot'ouchlé, jednak z Kafky, který byl odsouzen a jehož jméno se „nemá nikde objevovat“.“ [0 : 567]

В иных случаях — о цитировании тенденциозных фраз из газет, радио, телевидения. Например:

„(...) je to pro propagandu okamžitě ten nesprávný, špatný, svedený lid, vlastně už ani ne lid, ale „hrstka provokatérů, svedených, popletených“ atd.“ [0 : 287]

или

„Když vidím v televizi, co tam při interviewech vykládají různí ti „pracovníci v zemědělství, v průmyslu“ (...).“ [0 : 355]

Зачастую автор при помощи кавычек усиливал контраст между подразумеваемым и выражаемым, достигая тем самым саркастического эффекта:

„(...) teď zas vyhazují desítky učitelů, noviny už kolik týdnů tisknou pořád dokola články o 30. výročí „osvobození“ (tj. přechodu z německého zotročení do sovětského), stati o květnu 1945 (...).“ [0 : 390]

или

„(...) tehdy se koncem roku 53 a v roce 54 začínalo zdát, že se věci budou lepší, a to od února 48 uplynulo „pouhých“ pět šest let...“ [0 : 561]

Однако в некоторых предложениях кавычки сопровождали слова, употребленные в переносном значении. Например:

„Léty „pokrejvačství“ se stala až 70. léta, po zákazu publikace 4/5 českých spisovatelů a 2/5 (+/-) překladatelů.“ [0 : 440]

„Pokud jde o překladatele „černochoy“ z 50. let, měli motivaci většinou finanční (...).“ [0 : 440]

Интертекстовость представлена не только цитатами, но и аллюзиями (как с нулевой, так и имплицитной маркированностью), что придает оригиналу «глубину» и тем самым требует от читателя определенного уровня интеллектуального развития.

В тексте дневников присутствуют многочисленные средства художественной выразительности (тропы и стилистические фигуры), которые являются отличительной особенностью художественного стиля. Ян Забрана активно пользуется эпитетами — *laciná nečistá hra* [0 : 189], *tvářit se svobodně* [0 : 189], *horliví dědici* [0 : 209], *podřadný, zapomenutý, promlčený omyl* [0 : 254], *zprzněné, zglajchšaltované, propagandistické myšlení* [0 : 398], *nekompetentní, zatrpklá, ziskuchtivá, kapriciózní, zlomyslná, hloupá osoba* [0 : 400], *třeskutá blbost* [0 : 620], *slepá loajalita, feudální ctnost, brutální laxnost* [0 : 700], *zakamuflovaná podoba* [0 : 730], *bezectné svině* [0 : 737], *záměrná, trvalá a plánovaná kamufláž* [0 : 745], *ubohá a neradostná každodennost* [0, с. 809], *obludný dualismus* [0 : 1025] и др., а также сравнениями — *frašky zvané prověrky* [0 : 97], *to je limonádové* [0 : 189], *jsem jen pes na řetězu* [0 : 189] и др.

Поистине мастерски звучат его метафоры, например, *starý a dobrý buldok Churchill se zakouzl, myšlenka vře* [0 : 97], *hořkost podzimu a zimy* [0 : 188], *nic se neochladilo, nic nepřebolelo* [0 : 288], *příslušníci stáda* (о людях, которые не являлись частью аппарата) [0 : 744]. Прибегает он и к метонимии, в т.ч. к такой ее разновидности как синекдоха, например, *seděli na katedrách marxismu-leninismu a studovali na filozofických fakultách* [0 : 188], *vystoupili proti Hendrychům* [0 : 438], *žádné kouzlo prvních májů a dnů žen* [0 : 608], *pro bachorovité mozky* [0 : 620]. В некоторых местах в тексте встречается персонификация, например, *myšlení do lidí proniká*.

Для усиления эмоциональности и нагнетания атмосферы безысходности Ян Забрана пользуется приемом градации:

„*Život ztratil jakýkoliv smysl, barvu, radost, naději.*“ [0 : 389]

„(...) ve státě, kde udávání je běžná možnost a hrozná, stále hrozící věc...“ [O : 398]

„Nic, nic, nic už je v druhé půlce cesty nečekalo, jen šed', stárnutí, kompromisnictví, nakonec jen vděčnost, že ti, kdo jim kdysi zničili existenci, je koneckonců nechají vedle sebe, nějak neodplaceně, skromně existovat...“ [O : 1085]

Эмоциональность в текст привносит также противопоставление контрастных вещей при помощи антитезы. Например:

„(...) která se mlčky a bez protestu smíří s tím, že musí o bílém tvrdit, že je to černé, a o černém, že je to bílé (...).“ [O : 288]

Взаимодействие и взаимопроникновение всех трех вышеперечисленных стилей образует индивидуальный авторский стиль, который отличается соседством абстрактного и конкретного, логичного и эмоционального, стандартного и стилистически маркированного, объективного и субъективного.

1.3.3.4. Лексический уровень

На лексическом уровне исходный текст отличается неоднородностью. Нейтральная межстилевая лексика сочетается со стилистически маркированной, к которой можно отнести терминологическую лексику (представлена в меньшей степени) и эмоционально-окрашенную, которая в большинстве случаев обладает значительной выразительностью и экспрессивностью.

Как уже было сказано, терминов в тексте не много и практически все они касаются социально-политической или экономической сферы, например, *ideologie* [O : 608], *marxismus-leninismus* [O : 188], *plánované hospodářství* [O : 745], *rasismofašismus* [O : 748]. Из узко специализированных терминов можно выделить относящиеся к сталелитейной промышленности — *šedá litina, legovaná ocel, zinkový plech* [O : 589], издательскому делу — *zadní chlopeň, zadní přehyb* [O : 567], филологии — *literatura faktu* [O : 398], *volapük* [O : 786], а также к шахматной игре — *samomat* [O : 786].

Противоположностью терминам выступают фразеологизмы. В тексте преобладают общеупотребительные фразеологические сочетания и единства, например, *lézt až kam* [O : 97], *strkat do pytle* [O : 188], *zlatí hoši* [O : 188], *být doma* [O : 189], *rozbíjet si hlavu na zdi* [O : 254], *do hloubi duše* [O : 288], *ohřívající si vlastní polívku, žáby na prameni* [O : 400], *volat na poušti* [O : 539], *kdo s koho, podívat se hrůze*

do očí [0 : 539], *od zelených stolů* [0, с. 561], *mít morální vrch* [0 : 737], *naivní duše* [0 : 744], *začarovaný kruh* [0 : 746], *říct do očí* [0 : 946].

Небольшая доля в исходном тексте připadáet и на устойчивые выражения, которые тяготеют к публицистическому стилю, например, *přijímat v oficiálním slyšení* [0 : 390], *řešit situaci* [0 : 539], *vejít ve všeobecnou známost* [0 : 566], *dosáhnout stupně* [0 : 567], *uzurpovat právo* [0 : 613], *zvýšení účinnosti* [0 : 665], *důsledky krize se dotýkají* [0 : 729] и др.

Достаточно многочисленную группу стилистически отмеченной лексики представляют эмоционально-окрашенные разговорные и просторечные слова — *prokouknout* [0 : 96], *flek* [0 : 188], *čumět na bednu* [0 : 398], *srandovní* [0 : 580], *malér* [0 : 589], *bordel* [0 : 700], *nána* [0 : 744], *partajní kretění* [0 : 1033] и др., а также экспрессивные выражения — *hergot*, *sakumprásk* [0 : 589], *holtpak* [0 : 405] и др. Некоторые лексемы из этой группы можно отнести в разряд вульгаризмов, например, *hovada* [0 : 288], *mrcha*, *čurina* [0 : 589], *hovno*, *chcanky* [0 : 661], *prdelkovat* [0 : 390], *do prdele* [0 : 589], *posraný* [0 : 917].

К пассивному словарному запасу можно отнести, например, индивидуально-авторский неологизм *herodesovláda* [0 : 560] и устаревшее просторечное слово *mordýř* [0 : 390].

По происхождению в исходном тексте превалирует, безусловно, исконно чешская лексика, но в то же время необходимо отметить присутствие большого количества слов и словосочетаний иноязычного происхождения, которые по степени освоенности можно разделить на заимствованные чешским языком и иноязычные вкрапления (или варваризмы). К первой группе относятся слова, которые пришли из разных языков и находятся на разной стадии освоения, например, *status quo* [0 : 189], *de facto* [0 : 189], *novum* [0 : 398], *inferiorita* [0 : 737], *kunsthistorie* [0 : 188], *idolatrie a sakriface* [0 : 390], *zglajchšaltovaný* [0 : 398], *kulturträger* [0 : 589], *entropie* [0 : 540], *paralytický* [0 : 588], *provokovat* [0, с. 589], *diskreditovaná kulturní revoluce* [0, с. 590], *idylický* [0 : 608], *sentimentální bagáž* [0 : 608], *programová neloajalita* [0 : 612], *uzurpátor* [0 : 612], *dekompozice aktivity* [0 : 612], *socrealistický primitivismus* [0 : 620], *infiltrace* [0 : 730], *inkludovaný* [0 : 730], *fangle* [0 : 730], *diluvialní* [0 : 1033], *kanonenfutr* [0 : 1034]. Вторая группа также неоднородна и может быть разделена на слова и выражения, взятые из французского языка — *après nous la déluge* [0 : 540], *fait accompli* [0 : 1085], немецкого — *drang* [0 : 438], *apetitlich* [0 : 661], *treuhändry* [0 : 1033], английского

— *to overkill* [0 : 539], *non-person* [0 : 612], *hotheads* [0 : 730] и латинского — *sic* [0 : 589]. К словам и словосочетаниям иностранного происхождения также принадлежат интернационализмы. В исходном тексте они представлены лексемами, распространенными как в мировом масштабе, например, *ministerstvo* [0 : 589], *volapük* [0 : 786], так и в ареале постсоветского пространства. Последние в большинстве случаев выступают т. н. советизмами.

Авторы толкового словаря языка Совдепии В. Мокиенко, Т. Никитина классифицируют советизмы на сематические, лексико-словообразовательные и стилистические [63 : 10—17]. В исходном тексте встречаются примеры всех трех типов. Так, с новым общественно-политическим значением либо оттенками значения употреблены первоначально неидеологизированные слова *soudruh* [0 : 730] (как форма вежливого упоминания или обращения к мужчине), *partaj* [0 : 589] (в значении 'Коммунистическая партия Чехословакии'), *režim* [0 : 608] (в значении 'государственный строй'), *očista* [0 : 96] (в значении 'проверка аппарата и партийных организаций с целью устранения ненадежных и чуждых элементов'), *nomenklatura* [0 : 744] (в значении 'руководящие партийно-правительственные работники'), *garnitura* [0 : 561] (в значении 'группа лиц, связанная общей политической деятельностью'), *1. máj* [0 : 188, 608] (в значении 'праздник Первого Мая'), *ženský den* [0 : 608] (в значении 'праздник Восьмого Марта') и др. Из лексико-словообразовательных советизмов, которые создавались для обозначения советских реалий, в тексте фигурируют, например, *politbyro* [0 : 737], *nomenklaturník* [0 : 786], *estébák* [0 : 809], *svazák* [0 : 209]. Также сюда можно отнести советские акронимы, например, *RHVP* [0 : 743], *OÚNZ*, *MUKL* [0 : 1085]. С иронией, а местами и с сарказмом в тексте использованы устойчивые клише, которые употреблялись с целью придать особый пафос повествованию о социалистической действительности и коммунистическом завтра, например, *progresivní komunisté* [0 : 730], *šťastná budoucnost* [0 : 809], *socialismus s lidskou tváří* [0 : 209]. В отдельную подгруппу в рамках третьей группы можно вынести советские лозунги, которые автор регулярно приводит, говоря о их несоответствии реальному положению дел: *Blahobyt dokážeme vyrobit* [0 : 729, 743], *Žije se lépe, žije se radostněji* [0 : 729, 743], *Republice více práce, to je naše agitace* [0 : 743].

Дневниковые записи изобилуют именами собственными (топонимы, антропонимы) и наименованиями. Среди присутствующих в исходном тексте

наименований можно выделить названия учреждений — *Národní divadlo* [0 : 188], *pankrácká věznice* [0 : 209], *cenový úřad* [0 : 730], организаций и объединений — *Svaz spisovatelů* [0 : 254], *nakladatelství Jan Laichter* [0 : 344], исторических эпох — *heydrichiáda* [0 : 344], *husitské časy* [0 : 373], праздников — *1. máj* [0 : 188, 608], *ženský den* [0 : 608], газет и журналов — *Sovětská literatura*, *Host*, *Sešity* [0 : 1033], литературных произведений — *Odyssea* [0 : 566], документов — *Atlantický obranný pakt* [0 : 97], объектов — *plynovod Orenburg* [0 : 561], *HUKO* [0 : 946]. Из топонимов в тексте присутствуют ойконимы — *Berlín* [0, с. 97], *Plzeň*, *Domažlice* [0 : 390], *Žižkov* [0 : 567], *Ječná ulice* [0 : 568]. Антропонимы представлены личными именами и фамилиями, среди которых присутствуют как чешские — *Slanský* [0 : 287], *Dubček*, *Jan Palach*, *Novotný*, *Husák* [0 : 287], *Peroutka*, *Masaryk* [0 : 344], *Albert Pražák*, *Gottwald* [0 : 390], *Škvorecký* [0 : 400], *Kraft* [0 : 405], *Hendrych* [0 : 438], так и иностранные — *Churchill* [0 : 97], *Solženicyn*, *Trocký*, *Patton* [0 : 390], *Jásir Arafat* [0 : 390], *Orwell* [0, с. 540], *David Rokeah* [0 : 1085] и др.

1.3.3.6. Грамматический уровень

Доминирование литературного языка обуславливает соблюдение языковой нормы в том числе на грамматическом уровне. Следует, однако, отметить наличие отклонений от кодифицированного книжного языка в пользу разговорной речи. Преимущественно они обусловлены спецификой дневникового жанра. Внимание на себя обращают случаи несогласованности времен и употребления разговорных грамматических форм.

Как правило, дневник представляет собой фиксацию произошедших событий, их анализ. В нашем случае автор зачастую рассказывает об актуальном положении дел либо анализирует сложившуюся на настоящий момент ситуацию, поэтому с прошедшими формами конкурируют формы настоящего времени. Например:

„Všechny knihy, které lidi chtějí, jsou už tím, že je chtějí, v zásadě problematické. Vydávání takových knih je třeba ještě víc omezit, je nutné jim dávat knihy, které my chceme, aby četli...“ [0 : 588]

К формам настоящего времени Ян Забрана также прибегает для описания своего эмоционального состояния. Например:

„Vymýšlím si a cítím jako trpkost přirozené věci?“ [0 : 1085]

Реже в исходном тексте встречается будущее время. В таких случаях речь идет, скорее, о попытке предсказания, предвосхищении событий, заблаговременном анализе. Например:

„Vyloučení páté, čtvrté i třetí síly, redukce na dva gigantické supersystémy bude mít jediný výsledek: armageddon, poslední zápas — kdo s koho — zápas o světovládu.“
[0 : 539]

Несогласованность же времен, о которой мы упомянули выше, наблюдается в некоторых сложных предложениях с большим количеством придаточных. Например:

„Vychází to z předpokladu, že většina lidí čte stejně ve všech dobách především to, co se jim dostane do ruky zrovna v té chvíli, že 70 % čtenářů (navíc už zase sedm let zblbávaných televizí) stejně nerozezná horší od špatného, špatné od pouze banálního či pitomého, že po sedmi letech si jen málokdo je s to znova připomenout výchozí situaci (okupaci), jejímž výsledkem je, že něco takového v Čechách vychází, pokaždé, když se mu něco takového dostane do ruky — že to prostě je a bude, dokud se s tím lidé nesmíří, nezvyknou si na to, nezačnou to pokládat za normu.“ [0 : 404—405]

Что касается разговорных грамматических форм, то отдельно можно выделить глаголы и прилагательные с неформальными окончаниями. Например:

„Ať si to zas užijou druzí...“ [0 : 398]

„(...) v nichž by na mě vyšlo najevo, jak jsem už celej zpuchřelej (...).“ [0 : 398]

Также в тексте присутствует значительное количество местоимений и наречий с неформальным аффиксом -hle. Например:

„Ale co jste od těchhle lidí chtěli čekat?“ [0 : 209]

„Tohle je způsob, jak to dělají, takhle to dělají rádi (...).“ [0 : 404]

И, наконец, в единичных случаях имеют место разговорные формы степеней сравнений наречий:

„Ještě míň západní a hlavně americké literatury, ještě víc současných sovětských věcí...“ [0, c. 588]

„(...) nejlíp to vidím na svých přátelích (...).“ [0 : 398]

Еще одной особенностью исходного текста является имплицитная поляризация «я» (реже «мы») vs. «они», которая иногда находит эксплицитное выражение и проявляется в нетипичном для чешского языка употреблении личного местоимения *oni*. Например:

“Proto, že jsou to jejich otázky, ne moje. Proto, že mi je kladou oni — a nemají jiné právo mi je klást než to, které uzurpovali mocí.” [O : 613]

или

„Kašlat, ano kašlat jim na všechno, co oni nám nabízejí.“ [O : 612]

В некоторых предложениях данное местоимение в тексте оригинала дополнительно выделено курсивом. Например:

„Největší omyl byl a je myslet si, že oni to myslí s literaturou a se spisovateli dobře.“
[O : 254]

или

„Oni nemají v hlavě nic než jak úslužně vyhovět těm, z jejichž vůle jsou u moci (...).“
[O : 561]

„Hledat možnost kontaktů, navazovat je? Nikdy. Vždyť jsou to oni...“ [O : 613]

1.3.3.7. Синтаксический уровень

Повествование в дневниках разворачивается в рамках отдельных дневниковых записей, которые с точки зрения синтаксиса представляют собой сверхфразовые единства, или сложные синтаксические целые.

Синтаксическая структура отдельных сверхфразовых единств не гомогенная. Длинные распространенные предложения с большим количеством придаточных, как правило, чередуются с простыми, иногда неполными, предложениями. В случае первых можно зачастую говорить о синтаксических периодах, которые отличаются особой ритмичностью и предельной смысловой завершенностью. Например:

„To, že se z nás ze všech vytrvale snaží udělat nemyslící, nesrovnávající, nehodnotící a nesoudná hovada namísto lidí — hovada, která se nikdy neodváží zeptat, proč to či ono musí být tak, a ne jinak, která se mlčky a bez protestu smíří s tím, že musí o bílém tvrdit, že je to černé, a o černém, že je to bílé — to je základ mé pře s nimi, to je to, na co nikdy nepřistoupím, s čím se nikdy nesmírím.“ [O : 287]

или

„Na nic nejsou lidi — pošta včas nedoručuje dopisy, domovníci neodhrabují sněh, pokladní ze samoobsluh zůstanou doma, kdy si vzpomenu, prodavačky místo aby prodávaly, čachrují se zbožím a vyměňují je s prodavačkami z jiných obchodů — maso za textil, ovoce za elektrospotřebiče — autobusy nejezdí v intervalech, poněvadž tolik a tolik řidičů nepřišlo do práce — nejsou lidi.“ [O : 917]

Второй приведенный отрывок иллюстрирует также прием кольца, когда совпадают начало и конец речевой конструкции. В целом, Ян Забрана довольно часто прибегает к лексическим повторам. При этом повторяющиеся лексемы зачастую оказываются рядом. Например:

„Žáby na prameni se nadýmají, bobtnají a sedí, sedí, sedí...“ [O : 400]

или

„(...) člověku lze vzít i chleba, donutit ho, aby chodil bos — a trvá, trvá, trvá...“ [O : 700]

„(...) i ten, kdo se s ní nikdy nesmířil, kdo jí neupsal duši a nezaprodal se, musí dlouhodobě (a bděle, bděle!) předstírat, musí se aspoň tvářit (...).“ [O : 1024]

Такие лексемы могут быть, наоборот, разбросаны по предложению для смыслового соединения его отдельных сегментов. Например:

„Když lid píše rezoluce na podporu Dubčka, k uctění Palachovy památky atd. — je to pro propagandu okamžitě ten nesprávný, špatný, svedený lid, vlastně už ani ne lid, ale „hrstka provokatérů, svedených, popletených“ atd.“ [O : 287]

Иногда повторяются близкие лексемы. Например:

„Ta slabost samozřejmě byla objektivní, objektivně existovala (...).“ [O : 903]

Помимо повторов, наращиванию структуры предложения способствуют перечисления с большим количеством однородных членов. Например:

„Přecpané autobusy, fronty v obchodech, zácpy aut v ulicích, rozkopané chodníky, stoky výfukových plynů, obchody, ve kterých je vždy přesně to, co člověk nepotřebuje, a nikdy to, co chce koupit (...).“ [O : 389]

или

„21. VELKÉ ZDRAŽENÍ — benzín, plyn, elektrika, telefony, poštovné...“ [O : 730]

или

„Socialismus = nejen gumové housky, překyselené jogurty, salámy z nutrií, krůtí tlačenky a pivo z rýže napadené aflotoxinovou plísní, ale i... „chronický nedostatek protéz všeho druhu, na celá léta se protahující čekání na dodávku vozíků pro tělesně postižené, berel a holí.“ [0 : 1089]

Несмотря на письменную форму, некоторые отрывки напоминают с точки зрения синтаксиса устную речь, для которой характерны прерывистость, незаконченные фразы, оторванные друг от друга при помощи приема парцелляции синтаксические построения. Например:

„Oni se poučili. Samozřejmě ve svůj, nikoli v náš prospěch.“ [0, с. 248]

или

„(...) je třeba si den ze dne, měsíc ze měsíce nějak vydělat na chleba — na tom poli, na kterém člověk uvízl, rád, nerad, pávě na tom, na kterém stojí. Jiné nemá. Bez hysterie, bez nářků.“ [0 : 613]

или

„Podepsal jsem kdedomvmůj... víte, já musel...“ [0 : 580]

Некоторые из них представляют собой разговорно-экспрессивные синтаксические конструкции. Например:

„S tou televizí — to se jim podařilo! Oblbit národ.“ [0 : 619]

Наблюдается наличие большого количества вводных слов и вводных конструкций, которые могут в некоторых случаях оформлены посредством тире, а в некоторых — скобок. Например:

„Něco by nemělo vyjít jen proto, že je to podle nich příliš moderní (pro ně je moderní Joyce nebo Frazer, pochopitelně) (...).“ [0 : 589]

или

„Narodil jsem se za zlatých časů Masarykovy republiky, kdy — na to se z dětství pamatuju dodnes — i vzduch a stromy voněly svobodou, a umřu ve vyplundrované, zdevastované západní provincii asijského impéria...“ [0 : 809]

2. Концепция перевода

2.1. Обзор переводов дневников Яна Забраны

Учитывая тот факт, что издание „Celý život“ («Вся жизнь») уже было частично переведено на ряд языков, мы ознакомились с переводами и попробовали связаться с их авторами — Патриком Оуржедником и Мыколой Шатыловым.

Патрик Оуржедник готовил подборку отрывков из дневников Яна Забраны для перевода на французский. „Toute une vie“ («Вся жизнь») в его французском переводе, сделанном совместно с Марианной Канаваджо, вышла в 2005 году в издательстве *Allia*. Позднее текст в его редакции был переведен на итальянский (издано в 2009 году издательстве *Dueruntí*) и испанский (издано в 2010 году в издательстве *Melusina*). Велись также разговоры по поводу издания венгерского перевода, но позже венгерский издатель отказался от этой идеи. Патрик Оуржедник подошел к исходному тексту, скорее, как к произведению художественной литературы, нежели документальной: „*Pojal jsem to záměrně jako literární záležitost (to jest nikoli jako pouhé svědectví).*“ [из переписки]. Такая концепция обусловила соответствующий принцип отбора и компоновки отрывков: „*(...) zvolené pasáže jsem řadil podle jiné logiky než čistě chronologicky (historická chronologie — tam, kde je řeč o konkrétní události — je respektována) a v zájmu literární a jazykové celistvosti jsem vybral pouze pasáže od normalizace dál — s tím, že řada z nich samozřejmě obsahuje retrovzpomínky z padesátých a šedesátých let.*“ [из переписки]. В итоге вместо первоначальных 1071 страниц во французском издании насчитывается 158. Несмотря на то, что для печати были отобраны отрывки, касающиеся периода нормализации после вторжения на территорию Чехословакии войск Варшавского договора, в некоторых из них Ян Забрана возвращается к важным событиям предыдущих лет — периоду сталинских репрессий, Пражской весне и др. Что касается содержания дневниковых записей, вошедших в „Toute une vie“ («Вся жизнь»), целью Патрика Оуржедника было соблюсти определенный баланс между политическими отрывками и отрывками личного характера. Поскольку по задумке составителя-переводчика книга должна в принимающей литературе выполнять роль художественного произведения, во французском переводе отсутствует критический аппарат как таковой: „*(...) omezil jsem se na kusé poznámky pod čarou tam, kde to bylo nezbytné pro pochopení textu.*“ [из

переписки]. Важно отметить также тот факт, что Патрик Оуржедник работал с рукописными дневниками Яна Забраны, поэтому, французское издание, в отличие от чешского, содержит расшифровку инициалов, использованных вместо имен и фамилий героев. Оценить качество вышеперечисленных переводов, к сожалению, в нашем случае не представлялось возможным ввиду невладения их языками.

Но благодаря пассивному знанию украинского мы смогли более предметно ознакомиться с украинским переводом избранных отрывков из книги „Celý život“ («Вся жизнь»), который был опубликован в 2007 году в литературно-художественном и публицистическом журнале «Січеслав» под названием «Мое „я“ залишається в добі вбивств...» («Мое „я“ остается во времени убийств...»). Отрывки для публикации отобрал и перевел на украинский Мыкола Шатылов, который, подобно Патрику Оуржеднику, пошел по пути перевода дневников как художественного произведения. В его редакции записи распределены по годам — разделам — без указания дня и месяца появления каждой отдельной дневниковой записи. Мыкола Шатылов озаглавил разделы яркими цитатами, взятыми из вошедших в его публикацию отрывков. В отличие от французского перевода, украинский не содержит никаких сносок и примечаний, хотя в переведенном тексте встречаются имена чешских деятелей (Незвал, Паточка и др.) и чехословацкие реалии, которые могут быть неизвестны украинскому читателю. Также обращает на себя внимание тот факт, что объем некоторых дневниковых записей сокращен.

2.2. Общая концепция перевода

Учитывая нашу основную мотивацию — косвенное противодействие тенденциям централизации и советизации, наблюдающимся на территории бывших стран СССР — мы решили подойти к тексту оригинала с функциональной точки зрения. Как было отмечено выше, исходный текст выполняет, главным образом, референтивную, эмотивную и в определенной степени поэтическую функции (см. подраздел 1.3.2.). Поскольку нашей задачей при переводе было максимально точно отразить советскую эпоху, о которой в своих дневниках пишет Ян Забрана, мы стремились, чтобы вся константная информация, содержащаяся в исходном тексте, вошла в перевод. Но для того, чтобы данная информация действительно произвела впечатление на потенциального читателя, нашей второй, не менее важной задачей было передать отношение Яна Забраны к

советской действительности, т. е. эмоциональную составляющую. Ю.М. Лотман выделяет три основных функции текста — передача константной информации, выработка новых смыслов (сюда относится и эстетическая функция) и, наконец, функция памяти. При этом под выработкой новых смыслов он имеет в виду *«создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство, семиосфера, которая является подвижным образованием, меняющимся в зависимости от того, какие культурные коды актуальны на данном историческом этапе»* [17 : 308]. Именно эта функция была для нас вдвойне важна. Во-первых, текст перевода согласно нашей задумке должен стать генератором новых смыслов, потому как некоторые из описываемых Яном Забраной проявлений советской действительности всё четче и чаще прослеживаются в ряде стран СНГ. Во-вторых, нам было принципиально важно сохранить эстетическую (по Якобсону поэтическую) составляющую, поскольку исходный текст представляет собой дневниковые записи человека, обладавшего литературным талантом и творившего в разных жанрах.

Решение по поводу того, в каком ключе переводить исходный текст, мы принимали, исходя из предполагаемых функций, которые нам бы хотелось, чтобы перевод выполнял в принимающей литературе. Мы отдали предпочтение сохранению оригинальной дневниковой формы, что, на наш взгляд, придает тексту аутентичность, а вместе с тем усиливает его убедительность. Поскольку в результате анализа оригинала мы пришли к выводу, что текст отличается ярко выраженным авторским стилем, черты которого обязательно должны войти при переводе в инвариант, оригинальная дневниковая форма с сохранением объема отдельных записей, по возможности, их синтаксиса и интонации, была для нас наиболее подходящей.

Поскольку нам не было известно о существовании каких-либо переводов произведений Яна Забраны на русский язык, мы не смогли провести параллели между восприятием русскоязычным читателем других произведений данного автора и нашего перевода его дневников.

Тем не менее, останавливаясь на таком специфическом жанре, как дневник, мы посчитали необходимым ознакомиться, прежде всего, со сложившейся традицией перевода дневниковой литературы на русский язык. Нас интересовали, главным образом, т. н. писательские дневники, авторами которых

выступают титулованные художники слова. Конкретно мы остановились на дневниках французских писателей-натуралистов Эдмона де Гонкура (1822—1896) и Жюль де Гонкура (1830—1870), французского писателя, драматурга и эссеиста Андре Жида (1869—1951), британской писательницы и литературного критика Вирджинии Вулф (1882—1941), немецкоязычного писателя еврейско-чешского происхождения Франца Кафки (1883—1924), польского писателя Витольда Гамбровича (1904—1969) и, наконец, американской писательницы, режиссера театра и кино, критика Сьюзен Сонтаг (1933—2004). С временной точки зрения из перечисленных актуальными для нас были дневники последних двух авторов, поскольку они велись преимущественно во второй половине XX века, при этом в дневнике Витольда Гамбровича затронуты вопросы оккупации, цензуры, протеста, упоминается о вторжении советской армии в Чехословакию и т. д. Однако нас в равной мере с содержанием интересовали вопросы, связанные с оформлением русских переводов образцов писательской дневниковой прозы. В связи с этим нами были изучены следующие переводы на русский язык:

- ДЕ ГОНКУР, Э., ДЕ ГОНКУР, Ж. *Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы в двух томах* / Э. де Гонкур, Ж. де Гонкур; ред. пер. с фр. В. Дынник. — М.: Худ. лит., 1964. — Т. 1: 712 с., Т. 2: 750 с.
- ВУЛФ, В. *Дневник писательницы* / В. Фулф; пер. с англ. Л.И. Володарской; предисл. Е. Гениевой. — М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. — 480 с.
- ЖИД, А. *Дневники 1889—1895* / А. Жид; пер. с фр. Э. Войцеховская / *Митин журнал*. — 2003. — № 61. — С. 453—492. — URL: <http://alienor.pl/translations.php> (дата обращения: 23.12.2015).
- ЖИД, А. *Дневники 1895—1901* / А. Жид; пер. с фр. Э. Войцеховская / *Митин журнал*. — 2005. — № 63. — С. 318—355.
- КАФКА, Ф. *Дневники. Письма к Фелиции* / Ф. Кафка; пер. Е. Кацева. — М.: Эксмо, 2009. — 832 с.
- ГОМБРОВИЧ, В. *Дневник* / В. Гомбрович; пер. с польск. Ю. Чайникова. — СПб.: изд-во Ивана Лимбаха, 2012. — 765 с.

- СОНТАГ, С. *Заново рожденная: Дневники и записные книжки 1947—1963 года* / С. Сонтаг; пер. с англ. М. Дадяна. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. — 344 с.
- СОНТАГ, С. *Сознание, прикованное к плоти: Дневники и записные книжки 1964—1980* / С. Сонтаг; пер. с англ. М. Дадяна и Д. Можарова. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 560 с.

Мы выяснили, что редко вышедшие на русском языке переводы представляли собой целостное издание, зачастую речь шла о переводе избранных записей. Иногда это было связано с тем, что перевод делался не с оригинальной рукописи, а с издания, а в оригинале дневники не были изданы полностью. Например, супруг Вирджинии Вулф отобрал из ее дневников для печати всё, что имело отношение к творчеству, опустив более интимные записи. Это обусловило то, что ее дневник в переводе напоминают записные книжки писательницы, первостепенная цель которых помочь читателю проникнуть в «лабораторию художника», понять «творческий метод» [6 : 7]. Подобное ощущение возникает при прочтении перевода дневника Гонкуров, который даже имеет подзаголовок «записки о литературной жизни» [9].

Мы посчитали правильным сопроводить свой перевод дневников Яна Забраны вступительным словом, в котором будет подчеркнута, что речь идет о переводе избранных отрывков определенной тематики, чтобы у читателя не сложилось ложное впечатление, что Ян Забрана в своих дневниках не уделял существенного внимания вопросам творчества и литературного искусства. Также нам показалось важным упомянуть во вступительном слове о том, что дневники Яна Забраны были изданы посмертно, в отличие, например, от «обработанного» дневника, Витольда Гамбровича, который был впервые опубликован еще при его жизни (хотя и не в Польше).

Что касается использования вспомогательного текста, то авторы изученных нами переводов подходили к этому вопросу по-разному. Например, переводчица дневников Андре Жида ограничилась внетекстовыми примечаниями, полностью отказавшись от внутритекстовых сносок. Переводчицы дневника Витольда Гамбровича и дневника Гонкуров, наоборот, активно пользуются как внутритекстовыми, так и внетекстовыми дополнительными сведениями. Более того, в конце их переводов, приведен

алфавитный указатель имен, встречающихся в дневниках. В переводе дневника Вирджинии Вулф были по аналогии с оригинальным изданием сохранены инициалы и уменьшительные имена, расшифровка которых дается также в указателе имен, расположенном в конце книги. Поскольку из рассмотренных нами наиболее близок к дневникам Яна Забраны с точки зрения содержания оказался дневник Витольда Гамбровича (с той разницей, что Гамбрович писал свой дневник в эмиграции), мы обращали внимание на то, к каким реалиям были сделаны сноски. Также следует отметить тот факт, что текст, как и в нашем случае, изобилует иностранными вкраплениями, которые переводчица оставила на языке оригинала и сопроводила сносками, отразив, таким образом, степень эрудированности автора. Нестандартной же нам показалась внутритекстовая вставка русского аналога чешской фразы в переводе дневника Франца Кафки:

«Вчера девушка из «Маккаби» в редакции «Самозащиты» говорит по телефону:

„Prisia jsem ti pomost“. Чистый, нежный голос и язык.*

** «Я пришла тебе помочь»*

Вскоре после этого я открыл дверь М.» [13 : 68]

И, наоборот, весьма естественными, на наш взгляд, выглядят пояснения в квадратных скобках в переводах дневников Сьюзен Сонтаг:

«Как можно скорее прочесть „Дуинские элегии“ [Рильке] в переводе [Стивена] Спендера.»

Ознакомившись с традицией перевода писательских дневников на русский язык, мы постарались проверить, существует ли некая частная традиция перевода чешских произведений мемуарной литературы. Нам удалось выяснить, что на русский язык были переведены следующие чешские произведения:

- написанная в 1977—1978 гг. книга мемуаров Зденека Млынаржа „Mráz přichází z Kremli“ о событиях Пражской весны, была переведена С. Разуваном и вышла в 1992 г. под названием «Мороз ударил из Кремля [Воспоминания одного из лидеров Пражской весны 1968 г.]»;
- созданная в 2007 г. иллюстрированная книга воспоминаний Петра Сиса „Zed’ — Jak jsem vyrůstal za železnou oponou“ для детей и их родителей, была переведена К. Тименчик и вышла в 2010 г. под названием «Стена: как я рос за железным занавесом»;

- книга написанной в 1943 г. автобиографической прозы Юлиуса Фучика „Reportáž psaná na orgátce“, была переведена Т. Аксель, В. Чешихиной и вышла в 1977 г. под названием «Репортаж с петлей на шее»;
- книга переведенных на русский язык дневников и воспоминаний узников Терезина «Терезинские дневники, 1942—1945» из четырехтомника «Крепость над бездной», были отобраны и подготовлены к изданию Е. Макаровой, С. Макаровым, Е. Неклюдовой, В. Куперманом, книга вышла в 2003 г.;
- хроника терезинского гетто Ханы Стейндлеровой, была переведена Е. Макаровой под названием «Голубая тетрадь» (интернет-публикация);
- произведение Яна Кашпара „Nikaragujský deník“ о поездке в Никарагуа в 1980 г., было переведено Д. Прошуниной и опубликовано в 1981 г. под названием «Никарагуанский дневник».

Ввиду того, что вышеперечисленные произведения являются немногочисленными и неоднородными по своей жанровой принадлежности, сложно говорить о сложившейся традиции перевода чешских литературных произведений мемуарной литературы на русский язык. Это нам дало определенную свободу при разработке концепции перевода.

При более детальной проработке концепции перевода нами были определены группы потенциальных читателей. Первую группу составили люди с высшим образованием в определенной области (филологи, слависты, богемисты, литераторы, переводчики и, как вариант, историки, культурологи, социологи, психологи, журналисты), которые интересуются историей Чехословакии и/или творчеством Яна Забраны на профессиональном уровне. Во вторую группу вошли люди, для которых может быть интересно, что из себя представляла советская эпоха в стране, не входившей в состав СССР, но являвшейся членом блока стран Варшавского договора, и которые ищут для себя аутентичное свидетельство очевидцев вторжения советских войск на территорию Чехословакии в 1968 году. И, наконец, третья группа — это т. н. вторичные читатели, у которых текст перевода может оказаться в руках случайно и которые по сравнению с примарными читателями могут не иметь соответствующих фоновых знаний (в нашем случае первой группой) [37 : 52]. Представители первой группы могли бы, скорее всего, обойтись без каких-либо дополнительных внутритекстовых и

внетекстовых сведений, но мы старались помнить о существовании второй и третьей групп, поэтому были вынуждены прибегнуть к переводческим пояснениям, чтобы приблизить текст читателям на уровне наиболее важных общественно-политических и культурных коннотаций. При выборе стратегии перевода мы старались идти по пути компромисса между первой группой потенциальных читателей, с одной стороны, и второй, третьей группами, с другой стороны (см. подраздел 2.5).

2.3. Интерпретация исходного текста

Значимые с точки зрения культуры и истории тексты, равно как и художественные, могут интерпретироваться по-разному, что может быть обусловлено различными факторами. В нашем случае на интерпретацию исходного текста существенное влияние оказали, главным образом, два фактора — временной (различные исторические эпохи) и социально-культурный (различные социальные и культурные контексты). Нам было необходимо интерпретировать текст, возникший в Чехословакии в советскую эпоху, предметом повествования которого является эта же эпоха, в целом, и ее социально-культурная сфера, в частности. Задача усложнялась также тем, что исходный текст содержал несколько фрагментов, точный смысл которых нам так и не удалось выяснить:

„Ten, který fungoval na fakultě v partaji, ten, který ve Svém dni odpovídal na jejich otázku, protože pro něho bylo důležité, aby byl pan Autor, protože pro něho bylo ze všeho nejdůležitější Národní divadlo, ten, který dělal lektora marxismu-leninismu; ta, která si solidně studovala estetiku a kunsthistorii, ti všichni najednou byli zlatí hoši a já jsem jim vadil.“ [0 : 188]

и

„Jsou to ti samí lidé, kteří nechali rodit samotnou ženskou na Pankráci v cementové cele, kteří nechávali lidi vestoje kolik nocí v kobce, kde se nedalo o nic opřít, v kobce se šikmou podlahou, metr krát metr, kde se dalo jedině stát, kteří bez soudu postříleli na benešovské silnici ráno za svítání lidi a zahrabali je, kteří vysypali popel z tatrplánu na benešovské silnici.“ [0 : 209]

Для уточнения содержания мы связались с супругой Яна Забраны, Марией Забрановой, а также с переводчиками его дневников Патриком Оуржедником и

Мыколой Шатыловым. Не получив однозначного ответа, мы были вынуждены в переводе прибегнуть к сноскам (о вспомогательном тексте см. подраздел 2.5), в которых указали, что первом случае речь предположительно идет о писателе и сценаристе Зденке Маглере и об историке искусств и археологе Зорославе Дробной, а во втором, вероятнее всего, о расправе над немецкоязычным населением, произошедшей в 1945-м году в г. Постолопрти, и о кремированных останках людей, которые были казнены в 1952 году в результате сфабрикованного процесса об антигосударственном заговоре вокруг Рудольфа Сланского.

При интерпретации исходного текста отдельную проблему представляли инициалы, фигурирующие в тексте оригинала вместо имен и фамилий. Например:

„Všechny razie, které, dosáhnou-li tohoto stupně imbecility, se mohou pořádat na kteroukoli knihu, začaly opět s návratem J. na Knižní odbor ministerstva kultury, kam před krátkým časem přišel na K. místo.“ [O : 567]

Ввиду того, что в нашем распоряжении не было рукописного оригинала дневников, а также учитывая последствия, к которым привела расшифровка инициалов во французском переводе — скандальная реакция людей, которые, узнали в тексте себя (например, случай Ганы Еховой [39]), мы решили придерживаться зашифрованного варианта написания.

2.4. Переводческие позиции

Решение касательно того, в каком ключе переводить текст, отражает интерпретативную позицию переводчика, под которой Е. Гарусова понимает «осознанную либо предзаданную заказчиком перевода установку переводчика на создание определенного перевода, в большей или меньшей степени соответствующего оригиналу» [7 : 77]. Как правило, речь идет об ориентации отдельных составляющих перевода либо на культуру передающую (в нашем случае чешскую), либо на принимающую (в нашем случае русскоязычную постсоветскую). Согласно ее классификации, к ориентированным на передающую культуру относятся позиции историзации и экзотизации, а к ориентированным на принимающую культуру — позиция модернизации, натурализации, адаптации, идеологическая позиция и, наконец, позиция смысловой девиации, которая может проявляться четырьмя способами — добавлением в текст оригинала

новых смыслов, наращивание смысла, романтизацией перевода и пародированием в переводе [7 : 78—79, 101].

Остановимся подробнее на отдельных переводческих позициях, к которым мы прибегли при переводе исходного текста. О позиции историзации идет речь в случае придания тексту перевода исторического характера с целью, чтобы он «звучал» подобно тому, как в свое время предположительно звучал оригинал. Иными словами историзация предполагает стилизацию под старину. Учитывая ретроспективность исходного текста (например, в записях, сделанных в начале 70-х лет, Ян Забрана вспоминает 50-е годы и т. д.) и его жанровые характеристики (привязка записей к конкретной дате), мы были вынуждены при переводе использовать советизмы и идеологические клише, которые соответствуют той эпохе. Например:

„Co je neloajálnost v hranicích jejich vesmíru? Tolik, co výtržnost večer na 1. máje (...)“ [O : 188]

«Что такое нелояльность в границах их вселенной? Хулиганство вечером на Первомай (...)» [П : 4]

или

„Ten, který fungoval na fakultě v partaji, ten, který ve Svém dni odpovídal na jejich otázku, protože pro něho bylo důležité, aby byl pan Autor, protože pro něho bylo ze všeho nejdůležitější Národní divadlo, ten, který dělal lektora marxismu–leninismu“ [O : 188]

«И это тот, кто состоял в партийной организации факультета; тот, кто в «Моем дне» отвечал на их вопросы, потому что для него было важно, чтобы он был господином Автором, потому что наиважнейшим для него был Национальный театр; тот, кто преподавал марксизм-ленинизм (...)» [П : 4]

или

„Přiznám se, socialismus s lidskou tváří mi byl vždycky směšný.“ [O : 209]

«Я признаю, социализм с человеческим лицом мне был всегда смешон».
[П : 6]

или

„To je jen skutečný, žádnými žvásty neopentlitelný výsledek „mezinárodní spolupráce“ v rámci RHVP, to je výsledek třicetiletého „spění k socialismu“, výsledek

třicetiletého hospodaření komunistické strany v téhle zemi, to je naplnění hesel „Blahobyť dokážeme vyrobit!“, „Žije se lépe, žije se radostněji!“, „Republice více práce, to je naše agitace!“ (...)“ [0 : 743]

«Это лишь реальный, без чепухи украшательства результат «международного сотрудничества» в рамках СЭВ, это результат тридцатилетнего «приближения к социализму», результат тридцатилетнего хозяйничанья коммунистической партии в этой стране, это воплощение лозунгов «Наша цель — достаток для всех!», «Жить стало лучше, жить стало веселее!», «Больше труда республике — вот наша агитация!» (...)» [П : 28]

Позиция модернизации, наоборот, ведет к осовремениванию текста, т. е. его модифицированию с использованием специфически современных слов. Во избежание противоречия времени и обстановке действия мы решили исключить данную позицию. Например, при переводе следующего отрывка мы отказались от слишком современного слова *офис*, отдав предпочтение варианту *кантора*:

„(...) přijímají v oficiálním slyšení Jásira Arafata a domlouvají s ním, že si mordýři sportovců z mnichovské olympiády otevřou v Praze kanclář...“ [0 : 390]

«(...) в рамках официальной аудиенции принимают Ясира Арафата и договариваются с ним о том, что у душегубов спортсменов с мюнхенской олимпиады будет в Праге своя кантора...» [П : 10]

И даже там, где в оригинале, по сути, говорится о компьютеризации учета зарубежных авторов, мы отдали предпочтение более традиционному выражению *вести компьютерный учет*:

„Do nakladatelství rozeslalo ministerstvo kultury příkaz, že všichni autoři „světové klasiky“ budou převedeni na počítače, aby byl přehled, co a kdy se z nich vydalo.“ [0 : 893]

«Министерство культуры разослало в издательства распоряжение, что необходимо вести компьютерный учет всех авторов «мировой классики», чтобы иметь представление, какие их произведения и когда издавались». [П : 33]

Позиция экзотизации предполагает удержание национальной окраски оригинала путем сохранения элементов, которые являются нетипичными для принимающей культуры либо совершенно чуждыми для нее. Исходный текст содержал ряд иностранных слов, выражений, а также образованных от них

чешских словоформ, которые являются чужеродными и для передающей культуры. Мы стремились максимально сохранить данные инородные элементы, поскольку они являются признаком авторского стиля. Для их передачи мы прибегали к позиции экзотизации. Но для того, чтобы адаптировать текст для читателя, мы воспользовались сносками. Например:

«*To zprzněné, zglajchšaltované, propagandistické myšlení do lidí proniká (...).*»
[O : 398]

«*Это оскверненное, гляйхшалтунгизированное, пропагандистское мышление проникает в людей. (...).*»

(*текст сноски: Om Gleichschaltung (нем.) — нацистская политическая концепция подчинения всех сфер жизни Германии интересам национал-социалистического режима.*) [П : 11]

или

«*Že jim ti „dříve trpěvší“ v jejich drangu na režim, drangu od určité chvíle, neposkytli očekávanou podporu, že právě je nepokládali za své lidi a své přirozené spojence, to je naplňovalo rozhořčením...*» [O : 438]

«*То, что «ранее потерпевшие» не оказали им ожидаемую поддержку в их дранге на режим, дранге с определенного момента, что не считали их своими людьми и своими естественными союзниками, наполняло их возмущением...*»

(*текст сноски: «Om Drang nach Osten (нем.) — букв. „натиск на восток“».*)
[П : 13]

или

«*(...) amoralismus, lhostejnost, cynismus jako princip všeho — Après nous la déluge není heslo historie, ale 20. století (...).*» [O : 540]

«*(...) аморальность, безразличие, цинизм как принцип всего; Après nous la déluge — лозунг не истории, а XX века (...).*»

(*текст сноски: «Après nous la déluge (фр.) — букв. «после нас хоть потоп».*)
[П : 15]

Экзотизация также выступает одним из методов передачи реалий, под которыми С. Флахов и С. Флорин понимают «слова и словосочетания, называющие

предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит» [5 : 48].

В нашем случае многие реалии автоматически «нейтрализовались» за счет связи с советским периодом истории и опосредованной принадлежности к советской культуре, хорошо знакомой целевой группе читателей. Таким образом, к полноценным реалиям можно отнести лишь часть: названия чехословацких предприятий („*Tatra*“, „*Smalt*“, „*HUKO*“), название одной из пражских тюрем („*Pankrác*“), название марки чехословацкого легкового автомобиля („*tatraplán*“), название программного документа чехословацких диссидентов („*Charta 77*“), пражский памятник Сталину („*Stalinův pomník*“), название пражских районов и улиц („*Žižkov*“, „*Na Poříčí*“, „*Ječná*“), период чешской истории („*husitské časy*“), намек на героя чешского литературного произведения („*švejkovský*“) и на официальный гимн Чехословакии („*kdedomovmůj*“), а также имена и фамилии различных чехословацких политиков и деятелей культуры.

В ряде случаев мы совмещали экзотизацию с позицией адаптации, которая базируется на стремлении переводчика сделать текст удобочитаемым и понятным для потенциального реципиента путем устранения трудностей, связанных как с формой, так и содержанием. Для снятия трудностей, связанных с пониманием содержания, мы пользовались либо переводческими вставками:

„(...) kteří vysypali popel z tatraplánu na benešovské silnici.“ [O : 209]

«(...) которые, не выходя из своего «татраплана», на ходу высыпали пепел на бенешовскую трассу». [П : 6]

либо вспомогательным текстом (сноски, примечания):

„Jsou to ti samí lidé, kteří nechali rodit samotnou ženskou na Pankráci v cementové cele (...).“ [O : 209]

«Это те самые люди, которые бросили женщину одну рожать в панкрацкой камере с цементным полом (...).»

(текст сноски: Панкрац — пражская тюрьма, в которой в период с 1948 по 1990 год было в общей сложности казнено 348 человек, среди которых были и жертвы коммунистических чисток.) [П : 5]

или

„Říkají: „Podepsal jsem kdedomovmůj... víte, já musel...““ [O : 580]

«Они говорят: «Я подписал гдемояродина ... знаете, я был вынужден...“»

(текст сноски: «Первая строчка чешского национального гимна, аллюзия на «Антихартию» — программный документ, осуждающий диссидентов».)

[П : 21]

Адаптация может также происходить на уровне упрощения синтаксиса, нейтрализации маркированной лексики, опускания стилистических приемов и т. д. Из перечисленного чаще всего мы были вынуждены прибегать к адаптации на уровне синтаксиса, что было обусловлено чрезмерной перегруженностью оригинала сложными предложениями с большим количеством придаточных, осложненных вводными и вставными конструкциями. Такого рода адаптация имела два вида. В тех случаях, когда речь шла о периодах или их частях, мы стремились сохранить всю синтаксическую конструкцию, но разделяли ее части точкой с запятой. Например:

„Jsou to ti samí lidé, kteří nechali rodit samotnou ženskou na Pankráci v cementové cele, kteří nechávali lidi vestoje kolik nocí v kobce, kde se nedalo o nic opřít, v kobce se šikmou podlahou, metr krát metr, kde se dalo jedině stát, kteří bez soudu postříleli na benešovské silnici ráno za svítání lidi a zahrabali je, kteří vysypali popel z tatraplánu na benešovské silnici.“ [O : 209]

«Это те самые люди, которые оставили женщину одну рожать в панкрацкой камере с цементным полом; которые заставляли людей стоять по несколько ночей в камере-одиночке, где не было на что опереться, в камере с наклонным полом, метр на метр, где можно было разве что стоять; которые на рассвете без суда перестреляли на бенешовской трассе людей и закопали их; которые, не выходя из «татраплана», на ходу высыпали пепел на бенешовскую трассу». [П : 5—6]

Когда же разбивка сложного предложения не вела к нарушению или потере использованных в нем риторических фигур, мы отдавали предпочтение переводу несколькими предложениями. Например:

„Přitom, že je stále víc na světě literatury lži, literatury cenzury místo literatury pravdy, že to je jediné novum naší doby, na to si kdekdo bez podivování zvyká, přestává to vnímat jako něco naprosto absurdního...“ [O : 398]

«Притом что в мире становится всё больше литературы лжи, литературы цензуры вместо литературы правды. И это единственное новшество нашей эпохи. Однако каждый к нему привыкает, словно к само собой разумеющемуся, перестает воспринимать как нечто совершенно абсурдное...» [П : 10]

Позицией противоположной экзотизации является натурализация, в основе которой лежит приближение текста перевода целевому читателю с учетом принимающей культуры, т. е. «одомашнивание». Благодаря тому что в нашем случае передающая и принимающая культуры имели достаточно глубокие культурные связи и отчасти сходную историю развития, нам практически не пришлось дополнительно ориентировать текст на целевую аудиторию принимающей культуры. Исключением был перевод некоторых лозунгов, распространенных в советской Чехословакии, но неизвестных в СССР. Мы заменили их на фразы, типичные для русских коммунистов (подробнее в главе III). Например:

„Blahobyt dokážeme vyrobit!“ [O : 743]

«Наша цель — достаток для всех!» [П : 28]

Еще одной позицией, ориентированной на принимающую культуру, является локализация (в классификации Е. Гарусовой отдельно не вынесена). Для того, чтобы сориентировать читателя, мы прибегли к предисловию, в котором намеренно подчеркиваем, что речь в тексте пойдет о Чехословакии: *«Известный чешский поэт, писатель и переводчик Ян Забрана (1931—1984) (...) Перед вами перевод отрывков, повествующих о Чехословакии 1948—1984 гг.»* При переводе слов типа *zde, tady, u nás* и т. п. мы обязательно давали пояснения в квадратных скобках:

„(...) za všechny filmy, které se tehdy ve světě točily a které oni u nás neuvedli, nebo uvedli s desetiletým patnáctiletým zpožděním (...).“ [O : 561]

«(...) за все фильмы, которые в то время снимали в мире и которые они у нас [в Чехословакии] не показали или показали с десятилетним-пятнадцатилетним опозданием (...)». [П : 37]

или

„Jenom tady je zle z některých lidí, kteří lezou až kam a dělají ze sebe otroky při fraškách zvaných prověrky.“ [O : 97]

«Только вот здесь [в Чехословакии] становится тошно от некоторых людей, которые лизоблудничают и делают из себя рабов во время фарса, называемого проверками». [П : 4]

Следует отметить, что комбинирование переводческих позицией является индивидуальным решением переводчика, поэтому зачастую переводы одного и того же произведения, выполненные разными переводчиками отличаются. Таким образом, наш перевод также по некоторым переводческим позициям не совпал с украинской версией.

2.5. Вспомогательный текст

При необходимости переводчик может инкорпорировать в переводной текст внутритекстовые и внетекстовые сведения, цель которых — разъяснить отдельное слово или текстовый фрагмент, сделав его тем самым понятнее читателю. М.Л. Алексеева, опираясь на неофициально сложившуюся практику, предлагает использовать для такого рода инкорпораций термин «*переводческие пояснения*». При этом она разграничивает примечания, комментарии и сноски [2 : 1—2]. Примечание является элементом аппарата издания и представляет собой «*сравнительно краткие дополнения к основному тексту или пояснения небольших фрагментов его, носящие характер справки и, как правило, не содержащие, в отличие от комментариев, толкования этих фрагментов*» [60]. Если говорить о переводческом примечании, то чаще всего оно представляет собой фактические сведения из словарей, справочников, энциклопедий и т. д., вынесенные за пределы переведенного текста и напрямую связанные с ним. Комментарий, как и примечание, также является частью аппарата издания, которая дает «*широкое толкование текста произведения в целом со стороны историко-литературной, историко-текстологической, издательской либо отдельных его фрагментов, когда необходимо помочь читателю понять текст во*

всем объеме и со всей глубиной, скрытой от обычного взгляда и требующей дополнительных знаний эпохи, исторических и литературных событий, литературы того времени» [60]. Переводческие комментарии выносятся, как правило, за пределы текста, а иногда в отдельное издание. И, наконец, сноска представляет собой краткое постраничное примечание. Сноски часто используются для перевода слов и выражений на иностранном языке.

Исходя из того, что группы потенциальных читателей нашего перевода обладают различными фоновыми знаниями, нам было необходимо найти компромиссный вариант текстового аппарата. В итоге, мы остановились на двух типах переводческих пояснений — сносках и примечаниях. К сноскам мы прибегали в случае информации, необходимой по ходу чтения, при этом нашей задачей было не перегрузить ими текст, поскольку для первой группы потенциальных читателей многие моменты, связанные с чешской историей и культурой, будут, скорее всего, знакомы. Ссылки использовались нами для перевода иностранных слов и выражений (*Gleichschaltung, Drang nach Osten, Après nous la déluge, Sic, Fait accompli* и др.), пояснения аллюзий («*гдеродинамоя*» и др.), пояснения контекста (о расправе чехов над немецкоязычным населением, казни в результате сфабрикованного процесса об антигосударственном заговоре вокруг Рудольфа Сланского, теракте во время Олимпийских игр в Мюнхене, киностудии «Баррандов», Зденеке Маглере, Зорославе Дробной и др.), для дополнения относительно объективной побочной информации (о компаниях «Татра», «Смалът», о Панкрацкой тюрьме, Первой Чехословацкой Республике, гейдрихиаде, гуситах, власовцах, «Хартия-77», сериале «Самый младший из рода Гамров» и др.), для сопоставления реалий (сеть магазинов „Tuzex“ как аналог «Березки»). В случае необходимости небольших пояснений мы воспользовались квадратными скобками, чтобы не прибегать к сноске. Например:

«Только вот здесь [в Чехословакии] становится тошно от некоторых людей, которые лизоблудничают и притворяются рабами во время фарса, называемого проверками.» [П : 3—4]

К пояснениями мы прибегали в тех случаях, когда речь шла о информации справочного характера, касающейся исторических личностей и культурных деятелей. Мы предположили, что пояснения помогут второй и третьей группе потенциальных читателей расширить свои фоновые знания об истории советской

Чехословакии (Рудольф Сланский, Вацлав Гавел, Иржи Гендрих, Клемент Готвальд, Густав Гусак, Александр Дубчек, Антонин Капек, Томаш Гарриг Масарик, Антонин Новотный, Любомир Штроугал и др.) и ее культурной жизни (Фердинанд Пероутка, Альберт Пражак, Вацлав Ренч, Богумил Ржига, Йиржи Тауфер, Йосеф Топол, Ян Лаихтр, Ян Палах, Франтишек Тихий, Властимил Тршешняк, Зденек Урбанек, Франтишек Ксавер Шальда, Франя Шрамек, Йозеф Шкворецкий, Вратислав Эффенбергер и др.).

3. Отдельные переводческие проблемы и способы их решения

В данном разделе мы проанализируем переводческие проблемы, с которыми мы столкнулись, а также обоснуем выбранные нами способы их решения. Учитывая объем и сложность исходного текста, мы остановимся лишь на тех проблемах, решение которых требовало особых усилий со стороны переводчика.

Определенную трудность при переводе для нас представляла интертекстуальность исходного текста. В случае цитаты Ф. Кафки мы обратились к русскому переводу «Подростка былых времени» Ф. Мориака, выполненному Р. Линцер, и использовали ее версию:

„(...) kde úředníka J. rozzuřilo, že bylo v překladu ponecháno motto z Kafky: „Píšu jinak, než mluvím, mluvím jinak, než myslím, myslím jinak, než bych měl myslit, a tak až k nejzazšímu bodu temnoty.““ [O : 567]

«(...) когда чиновника И. привело в бешенство, что в переводе был оставлен эпиграф из Кафки: «Я пишу иначе, чем говорю, говорю иначе, чем думаю, думаю иначе, чем должен думать, и так до самых темных глубин». [П : 18]

Сложнее ситуация обстояла с обратным переводом на русский язык чешской версии цитаты В. Шкловского. Поскольку нам не удалось найти первоисточник цитаты, мы использовали в переводе одну из наиболее известных цитат, приписываемых этому литературоведу:

„Šklovskij kdysi napsal: „Za revoluce člověk pozná, jak smrdí různé druhy hovna.““ [O : 561]

«Шкловский однажды написал, что советская власть учит разбираться в оттенках говна». [П : 17]

Подобным образом мы действовали при переводе одного из чехословацких лозунгов, который не имел прямого советского аналога. Согласно информации с сайта padesatky.info, посвященного 50-м гг. в Чехословакии, появившийся в 1947 году лозунг „*Blahobyt dokážete vyrobit!*“ отражал новый тренд в пропаганде, которая стала делать акцент на необходимости совместными усилиями восстановить разоренную войной страну [38]. В СССР в это время были распространены такие лозунги, как «Восстановим», «Отстроим на славу!», «Ясен план. Скорее за дело! Строить родина велела.» и др. [25]. Учитывая тот факт, что

Чехословакия, в отличие от СССР, практически не была разрушена во время войны, мы посчитали неправильным заменять лозунг „*Blahobyt dokážeme vyrobit!*“ одним из вышеперечисленных. Вместо этого мы решили использовать лозунг российских коммунистов, в котором фигурировало бы слово «достаток». В итоге мы остановились на варианте «*Наша цель — достаток для всех*». Данные слова изначально принадлежат французскому коммунисту Гракху Бабёфу (1760—1797), но их не раз цитировали российские коммунисты в своих выступлениях и статьях (например, в газетах «Советская Россия» и «Правда»).

Вторым лозунгом, не имеющим прямого советского аналога, был „*Republice více práce, to je naše agitace!*“. Согласно многочисленным источникам, именно с ним чехословацкие коммунисты шли на выборы в 1946 году. Информация об этом содержится, например, на сайте о чехословацких политических заключенных: „*Komunistická strana šla do voleb s různými hesly, všechna však byla víceméně variantami jednoho: „Republice více práce, to je naše agitace.“*“ [40]. В данном случае мы решили ознакомиться, в первую очередь, с русскоязычной исторической литературой, посвященной данной проблематике. В результате мы обнаружили, что в книге «Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории» [21] и в работе Н. Соснова «Красный транзит» лозунг переведен как «*Больше труда республике — вот наша агитация!*» [28]. Именно такой вариант мы использовали в нашем переводе.

Иногда переводческую проблему для нас представляла отдельная лексема. Например, для того, чтобы хоть как-то приблизиться к плану содержания слова *hejrupácky*, которое не фигурирует в словарях, мы были вынуждены обратиться к его этимологии. В статье Владимира Шмилауэра, посвященной новочешскому словообразованию, упоминается просторечное слово *hejrupák*, которое было образовано суффиксальным способом от выражения *hej rup*. [42]. Мы выяснили, что такое название носила чехословацкая социальная комедия, снятая в 1934 году Мартином Фричем. Согласно фильму *hej rup* — выражение, отражающее рабочий ритм, которое на русский можно перевести как *раз, два — взяли!* или *раз, два — дружно!*. В итоге, мы перевели предложение следующим образом:

„*Ale zase se to dělalo hejrupácky, s bodrým povzbuzováním, s „vysvětlováním během akce“ a tak to skončilo, jak to muselo skončit.*“ [0 : 373]

«Но, опять же, всё делалось на раз, два — дружно!, с бравурным подбадриванием, с «объяснением во время операции», и всё закончилось так, как оно должно было закончиться». [П : 9]

В некоторых случаях лексема в переводных словарях отсутствовала, но ее значение было отражено в толковых словарях. Так, при переводе слова *vašnosta* мы исходили из значения, зафиксированного в Словаре чешского нелитературного языка — 'výše postavený nebo bohatý muž, obvykle s podtextem domýšlivosti, nadváhy, popř. dalších atributů starších dobře situovaných mužů' [59]. Принимая во внимание, что в словаре рядом с данным словом стояла помета *hanl.*, мы решили перевести его на русский экспрессивно-ироническим словосочетанием *фон-барон*:

„Kdo se do těch tehdejších iluzí o postupném zlepšování a prosazení čehosi zapletl a angažoval, skončil jako svazový poskok a oficiální vašnosta (...)“ [0 : 373]

«Кто в тогдашние иллюзии о постепенном улучшении и проталкивании чего-то там ввязался и принял в этом участие, закончил как человек на побегушках у Союза и фон-барон (...)» [П : 20]

При переводе слов и выражений иностранного происхождения наибольшую проблему для нас представляла лексема *treuhänder*. Согласно Словарю литературного чешского языка, в нацистской терминологии она имела значение 'správce dosazený do podniků zprav. patřících Židům' [68]. Как известно, с 1938 года евреям, проживающим на территории Германии, было законодательно запрещено заниматься торговлей, производством и оказанием услуг. Все принадлежавшие им предприятия в обязательном порядке переходили под управление неевреев, которые их либо ликвидировали, либо продавали в собственность арийцам. Данное явление наблюдалось и на оккупированных Германией территориях, прежде всего Чехословакии и Польши, в рамках германизации местных экономик. В чешской литературе на данную тему встречаются такие варианты перевода как *důvěrník, správce věrné ruky*: „Označení „Trehänder“ (důvěrník, správce věrné ruky) a „Abwickler“ (likvidátor), která se zavedla v souvislosti s arizací, se v Hustopečích užívala jen výjimečně. Většina osob, která arizaci ve městě realizovala, byla označována jako Kurator, Kommissionsleiter (komisařský vedoucí), Abwesendheitskurator – zkratka AK (správce v nepřítomnosti, kontumační správce).“ [35]. В итоге, мы склонились к варианту *верный управляющий*:

„(...) jedna či dvě generace byly diluviálními treuhändry připraveny o nějaké filmy či knihy, které pro ně měly smysl tenkrát, později už ne...“ [O : 1033—1034]

«(...) одно или два поколения были делювиальными «верными» управляющими лишены каких-то фильмов или книг, которые для них имели смысл тогда, позже уже нет...» [П : 37]

Что касается узкоспециализированной лексики, то определенную трудность при переводе у нас вызвали термины из области издательского дела *zadní chlopeň obálky*, *zadní přehyb obálky*. Исходя из логики предложения мы склонились к тому, что автор говорит не об обложке, а о суперобложке, поскольку именно она служит для размещения рекламно-информационных текстов. Руководствуясь издательским словарем-справочником, мы перевели первый термин как *клапан суперобложки*, а второй как *задний фальц*:

„(...) byla na zadní chlopni obálky obvyklá odstavečková anonce na jinou knihu z téže edice — na *Kafkův životopis od Maxe Broda*, vydaný už před rokem 1968. Tato anonce na zadním přehybu obálky rozlítla tenkrát úředníka J. natolik (...).“ [O : 567]

«(...) на заднем клапане суперобложки была обычная, размером с абзац, реклама другой книги из той же серии — биографии Кафки, написанной Максом Бродом и изданной еще до 1968 года. Эта реклама со стороны заднего фальца суперобложки разъярила тогда чиновника И. настолько (...).» [П : 19]

По-разному мы подходили к переводу реалий. Так, в случае названия *pankrácká věznice* мы руководствовались, в первую очередь, известным русским переводом «Репортажа с петлей на шее» Юлиуса Фучика, выполненным Т. Аксель и В. Чешихиной. Переводчицы использовали варианты *тюрьма Панкрац*, *панкрацкая тюрьма*, *Панкрац* [30]. Мы старались придерживаться их перевода:

„Ti, kteří teď nám vládou, jsou ti samí vrazi, kteří v padesátých letech věšeli v pankrácké věznicí ženské (...).“ [O : 209]

«Правящие сейчас нами — это те самые убийцы, которые в пятидесятые годы вешали в панкрацкой тюрьме женщин (...).» [П : 5]

или

„Jsou to ti samí lidé, kteří nechali rodit samotnou ženskou na Pankráci v cementové cele (...).“ [O : 209]

«*Это те самые люди, которые оставили женщину одну рожать в панкрацской камере с цементным полом (...)*». [П : 5]

При переводе известных чешских и словацких антропонимов мы старались руководствоваться в первую очередь сложившейся традицией. Например, имя такого деятеля, как *Jiří Hendrych*, мы вопреки практической транскрипции перевели как *Иржи*, поскольку такой вариант предлагает Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке [62].

Еще одна чехословацкая реалия, которая несколько раз встречается в тексте оригинала, — это название легкового автомобиля *tatraplán*. Одна из глав книги Михаэля Брюннера «На танке через ад. Немецкий танкист на Восточном фронте» в русском переводе, выполненным С. Липатовым, называется «Легковой автомобиль чешского производства «Татра-87» «Татраплан» с эсэсовским номером» [4]. Мы также решили прибегнуть к транскрипции. Поскольку основная смысловая нагрузка в этих предложениях была не на этом слове, мы решили не делать сноски. Однако при дословном переводе читателю могло бы быть в одном из предложений не совсем понятно, что речь идет о транспортном средстве, потому в данном случае мы распространили текст:

„(...) *kteří vysypali popel z tatraplánu na benešovské silnici.*“ [O : 209]

«(...) *которые, не выходя из своего «татраплана», на ходу высыпали пепел на бенешовскую трассу*». [П : 6]

Приемом генерализации мы воспользовались при переводе такой реалии как *májáles*, которая не имеет аналога на постсоветском пространстве (как студенческий праздник 1-е Мая отмечается разве что в Финляндии):

„*Tolik, co výtržnost večer na 1. máje nebo na májáles.*“ [O : 188]

«*Хулиганство вечером на Первомай или на майский студенческий праздник*». [П : 4]

Определенную трудность при переводе у нас вызвала словоформа *soudružky*. Мы были вынуждены перевести его как *гражданки*, т. к. слово *товарищ*, которое соответствует чешскому *soudruh*, без указания фамилии нельзя применить к представительницам женского пола:

„A do novin napíše nějaká nána — nebo jen naivní duše — z venkovského města, jak v doprovodu soudružek strávila nedělní dopoledne obcházením náměstí a vybíráním příspěvků na pomoc Vietnamu (...)“ [O : 744]

«И в газету напишет какая-нибудь глупышка — либо просто наивная душа — из деревни о том, как она в сопровождении гражданок провела первую половину воскресенья, обхаживая площадь и собирая взносы на помощь Вьетнаму (...)» [П : 29]

„Jestlipak tohle všechno víš, milá naivko — nebo náno —, která jsi celé nedělní dopoledne obcházela v doprovodu „soudružek“ náměstí venkovského města (...)“ [O : 745]

«Знаешь ли ты всё это, милая наивная девушка — или глупышка —, та, что всю первую половину воскресенья обхаживала деревенскую площадь в сопровождении «гражданок» (...)». [П : 30]

Творчески нам пришлось подойти к переводу акронима *OÚNZ*, который в советской Чехословакии имел двойную расшифровку: формальную — 'ústav národního zdraví' и неформальную — 'odevzdej úplatek nebo zemřeš'. В данном случае нам пришлось прибегнуть к компенсации:

„OÚNZ... Samozřejmě neznamená obvodní ústav národního zdraví, ale: Odevzdej úplatek, nebo zemřeš!“ [O : 1085]

«ДВИСТ... Конечно же, не означает Дальневосточный институт советской торговли, но: Дай взятку или смерть тебе!» [П : 38]

В заключение мы бы хотели остановиться еще на двух переводческих проблемах, возникновение которых, в отличие от перечисленных выше, было обусловлено временным фактором: потенциальные реципиенты перевода живут в эпоху, отличную от той, когда создавался оригинал. Сегодня, например, слишком расистично звучит сравнение *texty jak pro uzbecké pastevce*. Учитывая то, что нашими потенциальными читателями могут быть в т.ч. и узбеки (в Узбекистане русский язык — второй по значимости, а узбеки являются одним из крупнейших национальных меньшинств в Российской Федерации), мы постарались максимально «сгладить» оригинал:

„Tiskne texty jak pro uzbecké pastevce, žádné zboží pro střední Evropu (...)“ [O : 404]

«В нем печатают тексты, которые могут заинтересовать скорее узбекских пастухов, но никак не читателя из Центральной Европы». [П : 12]

Если смотреть на текст сквозь нормы и условности, существующие на сегодняшний день, то весьма некорректным современному читателю может показаться выражение *překladale „černochy“*. Несмотря на то, что понятие «литературный негр» действительно существует (считается, что его возникновением мы обязаны Александру Дюма), в англоязычной прессе и литературе стали отдавать предпочтение выражению *ghost writer*. Именно им мы руководствовались при переводе:

„Pokud jde o překladale „černochy“ z 50. let, měli motivaci většinou finanční (...)“
[О, с. 440]

«Если говорить о переводчиках-невидимках из 50-х, мотивация у тех в большинстве случаев была финансовая (...)». [П : 14]

Заключение

Целью настоящей дипломной работы было выполнить адекватный комментированный перевод выбранных отрывков из собрания дневников Яна Забраны «*Вся жизнь*», приблизив его русскоязычному читателю XXI века, но не нарушив при этом логики дневникового жанра.

К переводу мы подошли с функциональной точки зрения, стараясь сохранить референтивную, эмотивную и поэтическую функции исходного текста, которые были нами определены в ходе переводческого анализа. Причем особое внимание мы уделили последней, поскольку исходный текст представляет собой дневниковые записи человека, обладавшего литературным талантом и являвшегося автором целого ряда произведений. Вместе с тем нам было важно, чтобы текст перевода стал генератором новых смыслов и русскоязычный читатель XXI века смог для себя сделать выводы о недопустимости той советизации, которая всё четче и чаще прослеживается в ряде стран СНГ. В связи с этим мы прибегли к предисловию, в котором подчеркивается непримиримость позиции Яна Забраны по отношению к советской эпохе.

Прежде, чем разрабатывать концепцию перевода, мы определили три группы потенциальных читателей: 1) люди с высшим образованием в определенной области, которые интересуются историей Чехословакии и/или творчеством Яна Забраны на профессиональном уровне; 2) люди, которые обладают определенными фоновыми знаниями и интересуются тем, что из себя представляла советская эпоха в стране, не входившей в состав СССР, но являвшейся членом блока стран Варшавского договора; 3) т.н. вторичные читатели, у которых текст перевода может оказаться в руках случайно. Далее мы ознакомились с существующими переводами дневников Яна Забраны на другие языки, а также с традицией перевода мемуарной литературы, а именно дневников писателей и поэтов на русский язык. Конкретно чешская переводная мемуарная литература оказалась представлена немногочисленными произведениями, неоднородными по своей жанровой принадлежности. Последнее дало нам определенную свободу при разработке концепции перевода.

Описанная нами в комментарии концепция перевода базируется преимущественно на позиции историзации (использование в переводе

советизмов и идеологических клише), экзотизации (сохранение при переводе иностранных слов нечешского происхождения, ряда чехословацких реалий), адаптации (использование переводческих вставок и вспомогательного текста в виде сносок и примечаний, упрощение синтаксиса) и локализации (добавление предисловия к переводу, использование в случае некоторых наречий места пояснений с названием страны). Минимальное использование позиции натурализации было обусловлено тем, что передающая и принимающая культуры в нашем случае имели достаточно глубокие культурные связи и отчасти сходную историю развития в советский период.

В случае издания перевод будет необходимо, на наш взгляд, сопроводить вступительной статьей, в которой, во-первых, будет коротко описана судьба Яна Забраны, а также история появления на свет его дневников, а, во-вторых, обоснован выбор отрывков для перевода и приближена история коммунистической Чехословакии.

Список использованной литературы

Основная литература

1. ZÁBRANA, Jan, 1992. *Celý život* 1, 2. Praha: Nakladatelství Torst. 1071 s.

Дополнительная литература

2. АЛЕКСЕЕВА, М.Л. Переводческие пояснения во времени и культуре / М.Л. Алексеева // *Политическая лингвистика*. — 2012. — № 6. — С. 1—7. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskie-royasneniya-vo-vremeni-i-kulture> (дата обращения: 23.12.2015).
3. АРХИПОВА, М.В. Психологические свойства и представления, связанные с практикой ведения личного дневника / М.В. Архипова // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. — 2012. — № 3, вып. 13. — С. 197—307. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-svoystva-i-predstavleniya-svyazannye-s-praktikoy-vedeniya-lichnogo-dnevnik> (дата обращения: 23.12.2015).
4. БРЮННЕР, М. *На танке через ад. Немецкий танкист на Восточном фронте* / М. Брюннер; пер. с чешск. С. Липатов. — М : Яуза-пресс, 2009. — 224 с.
5. ВЛАХОВ, С. *Непереводимое в переводе* / С. Влахов., С. Флорин. — М. : Международные отношения, 1980. — 343 с.
6. ВУЛФ, В. *Дневник писательницы* / В. Фулф; пер. с англ. Л.И. Володарской; предисл. Е. Гениевой. — М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. — 480 с.
7. ГАРУСОВА, Е.В. *Интерпретативные позиции переводчика как причина вариативности перевода* : дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук : 10.02.20 / Е.В. Гарусова. — Тверь, 2007. — 173 с.
8. ГОМБРОВИЧ, В. *Дневник* / В. Гомбрович; пер. с польск. Ю. Чайникова. — СПб.: изд-во Ивана Лимбаха, 2012. — 765 с.
9. ДЕ ГОНКУР, Э., ДЕ ГОНКУР, Ж. *Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы в двух томах* / Э. де Гонкур, Ж. де Гонкур; ред. пер. с фр. В. Дынный. — М.: Худ. лит., 1964. — Т. 1: 712 с., Т. 2: 750 с.
10. ЖИД, А. *Дневники 1889—1895* / А. Жид; пер. с фр. Э. Войцеховская / *Митин журнал*. — 2003. — № 61. — С. 453—492. — URL: <http://alienor.pl/translations.php> (дата обращение: 23.12.2015).
11. ЖИД, А. *Дневники 1895—1901* / А. Жид; пер. с фр. Э. Войцеховская / *Митин журнал*. — 2005. — № 63. — С. 318—355.
12. ЗАДОРЖНЮК, Э.Г. *От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.)* / Э.Г. Задоржнюк — М. : Индрик, 2008. — 440 с.
13. КАФКА, Ф. *Дневники. Письма к Фелиции* / Ф. Кафка; пер. Е. Кацева. — М.: Эксмо, 2009. — 832 с.
14. КАШПАР, Я. *Никарагуанский дневник* / Я. Кашпар; пер. с чешск. Д. Прошунина. // *Ровесник*. — 1981. — №2—3. — URL: http://scepsis.net/library/id_1029.html (дата обращения: 23.12.2015).

15. КОБРИН, К. Похвала дневнику / К. Кобрин. // *НЛО*. — 2003. — № 61. — С. 288—295.
16. ЛАШТОВИЧКА, М. *Тайный писатель Ян Забрана*. — URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/slavija/tajnyj-pisatel-yan-zabrana> (дата обращения: 23.12.2015).
17. ЛЕУТА, О.Н. Ю.М. Лотман о трех функциях текста. / О.Н. Леута // *Юрий Михайлович Лотман* / Под. ред. В.К. Кантора. — М. : РОССПЭН, 2009. — С. 294—309.
18. ЛОТМАН, Ю. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // *Ю. Лотман. Семиосфера*. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000. — С. 159—165.
19. ЛЯМЗИНА, Т. Ю. *Жанр эссе (к проблеме формирования теории)* — URL: http://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm (дата обращения: 23.12.2015).
20. МАКАРОВА, Е. *Крепость над бездной. Терезинские дневники, 1942—1945 (книга дневников и воспоминаний узников Терезина)* / Е. Макарова и др. — Мосты культуры, 2003. — 408 с.
21. МАРЬИНА, В.В. *Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн.* / отв. ред. В.В. Марьина — Ин-т славяноведения. — М. : Наука, 2005. — 558 с.
22. МАТВЕЕВ, Г.Ф. *История южных и западных славян: В 2 т. Т. 2. Новейшее время* : учебник / под ред. Г. Ф. Матвеева и З. С. Ненашевой. — 2-е изд. — М. : Изд-во МГУ, 2001. — 272 с.
23. МЛЫНАРЖ, З. *Мороз ударил из Кремля (Воспоминания одного из лидеров Пражской весны 1968 г.)* / З. Млынарж, пер. с чешск. С.И. Разуван. М. : Изд-во Республика, 1992. — 287 с.
24. СИС, П. *Стена: как я рос за железным занавесом* / П. Сис; пер. с чешск. К. Тименчик. — М. : Самокат, 2010. — 56 с.
25. *Советский политический плакат. Коллекция Серго Григоряна*. — URL: <http://redavantgarde.com/collection/show-collection/> (дата обращения: 23.12.2015).
26. СОНТАГ, С. *Заново рожденная: Дневники и записные книжки 1947—1963 года* / С. Сонтаг; пер. с англ. М. Дадяна. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. — 344 с.
27. СОНТАГ, С. *Сознание, прикованное к плоти: Дневники и записные книжки 1964—1980* / С. Сонтаг; пер. с англ. М. Дадяна и Д. Можарова. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 560 с.
28. СОСНОВ, Н. *Красный транзит. Часть I. Чехословакия, Югославия, Албания* // Вестник бури. Воля и правда. — URL: <http://vestnikburi.com/krasnyiy-tranzit/> (дата обращения: 23.12.2015).
29. СТЕЙНДЛЕРОВА, Х. *Голубая тетрадь* / Х. Стейндлерова; пер. с чешск. Елена Макарова. — URL: <https://flibustahezeous3.onion.to/b/188343/read#t1> (дата обращения: 23.12.2015).
30. ФУЧИК, Ю. *Репортаж с петлей на шее* / Ю. Фучик; пер. с чешск. Т. Аксель, В. Чешихина. — М. : Детская литература, 1977. — 188 с.

31. ХАРЧЕНКО, В.К. Дневник как жанр в аспекте лингвоаттрактивистики / В.К. Харченко; БелГУ // *Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки.* — 2010. — № 12, вып. 6 — с. 49—55. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dnevnik-kak-zhanr-v-aspekte-lingvoattraktivistiki> (дата обращения: 23.12.2015).
32. ШАТЫЛОВ, М. Мое „я“ залишается в době вбивств... / М. Шатылов. // *Січеслав.* — 2007. — № 2 (12). — С. 116—133.
33. ELIÁŠ, Petr. *Jan Zábřana, básník a překladatel. Insripice beatnickou poezií a její překlady.* Praha, 2012. Diplomová práce. Karlova univerzita v Praze. Fakulta filozofická. Ústav translatologie. Vedoucí práce PhDr. Eva Kalivodová, PhD.
34. Jan Zábřana. Medailon. *Severočeská vědecká knihovna Ústí nad Labem.* [online] — [cit. 23.12.2015]. Dostupné z: <http://oldwww.svkul.cz/dat/bib/aut/00110-medailon.pdf>
35. NEZHODOVÁ, Soňa. *Arizace židovského majetku v Hustopečích.* Nezhodová, Soňa. In: *RegioM : sborník Regionálního muzea v Mikulově / zodpovědná redaktorka Stanislava Vrbková Mikulov : Regionální muzeum v Mikulově (2011 [vyd. 2012]), s. 96—114.*
36. NORD, Ch. *Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis.* — Amsterdam & New York: Rodopi, 2005. — 274 p.
37. NORD, Christiane. *Translating as a Purposeful Activity: Fuctionalist Approaches Explained.* Manchester: St. Jerome Publishing, 1997. 154 p. ISBN 1900650029.
38. Od propagandy k reklamě. Zápalkové nálepky padesátých let – nejmenší nástěnky socialistického Československa. *Padesátky.info.* [online]. [cit. 23.12.2015]. Dostupné z: <http://padesatky.ffa.vutbr.cz/19491950/4-od-propagandy-k-reklame>
39. OUŘEDNÍK, Patrik, 2007. Příběh jedné udavačky. *Host.* Brno. 1/2007, 39—40.
40. Poválečný vzestup levice a volební úspěch KSČ, 2008—2015. *Politictivězni.cz* [online]. [cit. 23.12.2015]. Dostupné z: <http://www.politictivezni.cz/povalecny-vzestup-levice.html>
41. ROSOVÁ, Anna. *Vnitřní emigrace Jana Zábřany a Osipa Mandelštama.* Praha, 2011. Diplomová práce. Karlova univerzita v Praze. Fakulta filozofická. Ústav translatologie. Vedoucí práce PhDr. Stanislav Rubáš, Ph.D.
42. ŠMILAUER, Vladimír. *Novočeské tvoření slov.* Státní pedagogické nakladatelství. Recenzoval univ. prof. dr. Milan Jelínek, DrSc. Vydání 1, 1971.
43. VÁLEK, Vlastimil. *K specifčnosti memoárové literatury* [online]. Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1984. — [cit. 23.12.2015]. Dostupné z: <https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/103838>
44. VÁLEK, Vlastimil. Kompoziční složky memoárové literatury. **In:** *Sborník prací Filosofické fakulty brněnské university* [online], 1985, D 32, s. 203—208 — [cit. 23.8.2015]. Dostupné z: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/108325/D_ScientiaeLit_terarum_32-1985-1_29.pdf?sequence=1
45. VÁLEK, Vlastimil. Problematika třídění současné české memoárové literatury. **In:** *Sborník prací Filosofické fakulty brněnské university* [online], 1965, D12, s. 19—34 — [cit. 23.12.2015]. Dostupné z:

https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/107691/D_ScientiaeLiterarum_12-1965-1_3.pdf?sequence=1 [online].

46. Zábрана dělal to, co celý život (rozhovor s Marií Zábranovou). *Literární.cz* — [cit. 23.12.2015]. Dostupné z: http://www.literarni.cz/rubriky/aktualni/rozhovory/zabrana-delal-to-co-cely-zivot_9260.html#.VdnWMrRagzE
47. ZÁBRANA, Jan, 1993. *Básně. Utkvělé černé ikony, Stránky z deníku, Samosoud*. Uspoř. a ediční pozn. [napsal] Jiří Trávníček. 1. vyd. P., Mladá fronta: Torst. 274 s.
48. ZÁBRANA, Jan, 2012. *Povídky*. Uspoř. Jan Šulc, Marie Zábranová, ediční pozn. [napsal] Jan Šulc. 1. vyd. Praha: Torst. 344 s.
49. ZÁBRANA, Jan, 2005. *Toute une vie*. Traduit du tchèque par Marianne Canavaggio et Patrik Ourednik. Paris: Allia. 160 p.
50. ZÁBRANOVÁ, Eva. *Flashky*. Torst, Praha, 2014, 140 s. ISBN: 978-80-7215-480-7.

Словари, справочники, энциклопедии

51. БАБИЧЕВ, Н.Т. Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений / Н.Т. Бабичев, Я.М. Боровской. — М. : Русский Язык, 1982. — 960 с.
52. Большая советская энциклопедия— М.: Советская энциклопедия. 1969—1978. — URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 23.12.2015).
53. ЕФРЕМОВА, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. — АСТ, Астрель, Харвест. — 2006.
54. КОМЛЕВ, Н. Г. Словарь иностранных слов. — М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. — 1308 с.
55. Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962—1978. — URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения: 23.12.2015).
56. КУЗНЕЦОВ, С. А. Большой толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 1998. — 1536 с.
57. Лотман Юрий. Авторская терминология. // *Словарь литературоведческих терминов*. — URL: http://slovar.lib.ru/terminologies/lotman_ju_m.htm (дата обращения: 23.12.2015).
58. Мемуарная литература / Р. Кулле и др. // *Литературная энциклопедия: В 11 т.* — М., 1929—1939. Т. 7. — М. : ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во Сов. Энцикл., 1934. — Стб. С. 131 —149.
59. Мемуарная литература. / *Энциклопедия «Кругосвет». Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия.* — URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/MEMUARNAYA_LITERATURA.html (дата обращения: 23.12.2015).
60. МИЛЬЧИН, А.Э. Издательский словарь-справочник: [электронное издание]. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : ОЛМА-Пресс, 2006. — URL: <https://slovari.yandex.ru/%7Екниги/Издательский%20словарь/> (дата обращения: 23.12.2015).
61. ОЖЕГОВ, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1997. — 944 с.

62. *Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке.* / сост. А.Ю. Юрьева. — М. : Центр-полиграф, 2009. — 525 с.
63. *Толковый словарь совдепии* /сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. — СПб. : Фолио-пресс, 1998. — 704 с.
64. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890—1907. — URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 23.12.2015).
65. MOCNÁ, Dagmar a Josef PETERKA. Encyklopedie literárních žánrů. 1. vyd. Litomyšl: Paseka, 2004. 699 s. ISBN 80-7185-669-X.
66. Slovník české literatury po r. 1945. [online] — [cit. 23.12.2015]. Dostupné z: <http://www.slovníkceskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=1166>
67. Slovník nespisovné češtiny. 2. vyd. Maxdorf, 2006. 464 s. ISBN-10: 80-7345-098-4.
68. Slovník spisovného jazyka českého. [online] — [cit. 23.12.2015]. Dostupné z: <http://ssjc.ujc.cas.cz>
69. VLAŠÍN, Štěpán a kol., 1977. Slovník literární teorie. Praha: Československý spisovatel.

Список приложений

1. Текст оригинала.